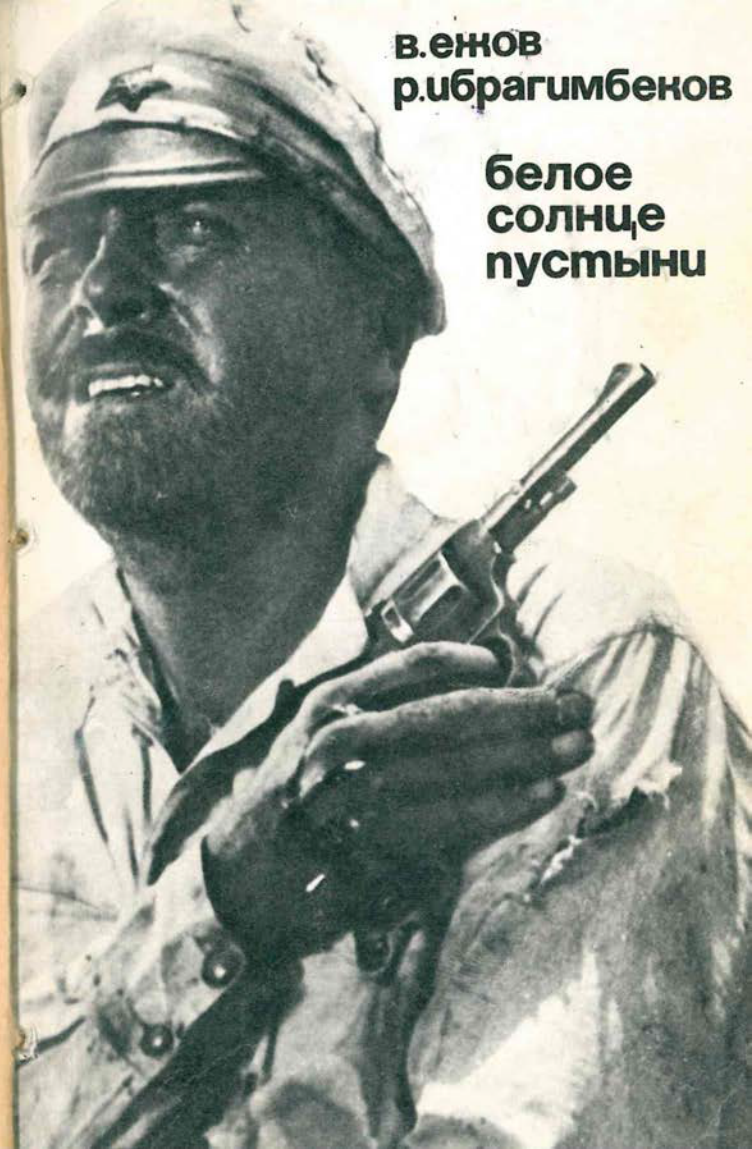

**В.ЕЖОВ
р.Ибрагимбеков**

**белое
солнце
пустыни**

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Издательство «Искусство» Москва 1971

**в.ежов
р.ибрагимбеков**

**белое солнце
пустыни**

С высоты птичьего полета плывет пейзаж: сочные луга с коровами, тихая речка, подернутая утренним туманом, деревенька на косогоре...

Первые солнечные лучи золотят верхушки деревьев, играют в наполненных водой ведрах, которые качаются на плече краснощекой босой молодухи; она поднимается по косогору плавно, без усилий, точно не коромысло у нее на плече, а легкий платок...

Все кажется чем-то нереальным, фантастическим, может быть, из-за утренней дымки, окутавшей пейзаж голубиной, или из-за плавности движений, с какой женщина поднимается с ведрами по косогору; а может быть, потому, что одета она необыкновенно нарядно, словно сошла с рисунка на палехской шкатулке...

Г о л о с з а к а д р о м . А е щ е с к а ж у в а м , р а з л ю б е н н а я Е к а т е р и н а М а т в е е в н а , ч т о я в л я е т е с ь в ы м н е с л о в н о ч и с т ы й л е б е д ь , б у д т о п л ы в е т е с е б е , к у д а в а м т р е б у е т с я и л и п о д е л у к а к о м у , д а ж е с к а з а т ь з а т р у д н я ю с ь ... т о л ь к о д ы х а н и е у м е н я с д а в л и в а е т о т р а д о с т и , б у д т о и з п у ш к и к т о в у п о р с а д а н у л ...

В копне свежескошенного сена лежит тощий, невысокого роста усатый красноармеец в выцветшей добела гимнастерке с бантом на груди и в коротковатых портах.

Он лежит и смотрит, как медленно приближается к нему красавица с ведрами, как босые ноги ее ступают по мокрой траве и цветам. Женщина делает еще несколько шагов, и яркое солнце, ударив в глаза красноармейца, заставляет его зажмуриться...

А когда он открывает глаза и удивленно приподнимается на локте, он видит, что нет женщины, нет речки, деревни, лугов, нет волшебного утра, а есть пустыня без конца и края, солнце, которое ослепляет и выжигает все под собой; есть такое солнце за барханами без единого кустика или былинки вокруг, до самого горизонта...

Бывший красноармеец Федор Сухов проворно встал, надвинул на глаза белый кепарь со следами красноармейской звездочки и пошел по пустыне напрямик.

Двигался Федор Сухов не быстро и не медленно, нормальным походным шагом, шлепая босыми ногами по обжигающему песку. За спиной его торчал тощий «сидор» и новенькие, мягкой кожи, сапоги, засунутые под веревку. Новенькими у Сухова были еще кожаный ремень, на котором висела кобура с наганом, и английский карабин за плечом. В одной руке у Сухова был чайник, в другой — палка с зарубками, пока еще неизвестного назначения. Все на Сукове висело вроде бы и небрежно, но ничего не брякало, не звенело.

Он шел, не интересуясь пейзажем, потому что никакого пейзажа и не было — один песок, но по сторонам поглядывал: мало ли что.

Вдруг прямо перед собой Сухов увидел торчащую из песка голову человека. Сухов остановился. Голова была темной, бритой, с закрытыми глазами. Сухов подошел поближе, опустился на корточки. Один глаз головы приоткрылся.

Сухов воткнул палку с зарубками в песок — от нее упала тень. Той же палкой он померил расстояние до конца тени, отсчитал зарубки.

— Пять часов, — сказал он тихонько и дотронулся до головы. — Здравствуй. Ты давно здесь?

Голова с трудом приподняла второе веко. На Сухова смотрели суровые глаза, в них не было ни мольбы, ни страданий.

— Ты кто?.. — опять спросил Сухов. — По-русски понимаешь?

Ответа не было.

Сухов помолчал, раздумывая.

— Ты бандит или хороший человек? — задал он еще вопрос.

Голова все так же сурово смотрела на него и ничего не говорила.

— Хочешь, дам напиток? — сказал Сухов.

Ответа не было.

Сухов дал голове глотнуть из чайника.

Опять помолчал, глянул по сторонам.

— Что же будем делать?.. — сказал он. — Может, тебя откопать?

И, не дождавшись ответа, Сухов взял палку, примерился и начал отгребать песок.

...Когда Сухов выволок туркмена из ямы, тот оказался сухощавым, хорошо сбитым и, видимо, очень сильным человеком. Потому что сразу, не дождавшись помощи, он разорвал веревку на руках. Попытался встать, но не смог.

— Ты что? — склонился Сухов.

— Нога, — впервые заговорил туркмен.

Сухов присел рядом с ним.

— Тебя как зовут? — спросил Сухов.

— Саид, — ответил туркмен.

— А меня Федор... Федор Сухов.

— Ты взорвал плотину Аслан-бая?

— Я... Что же мне с тобой делать? — спросил Сухов. — Я спешу. Ты куда пойдешь?

— В Педжент.

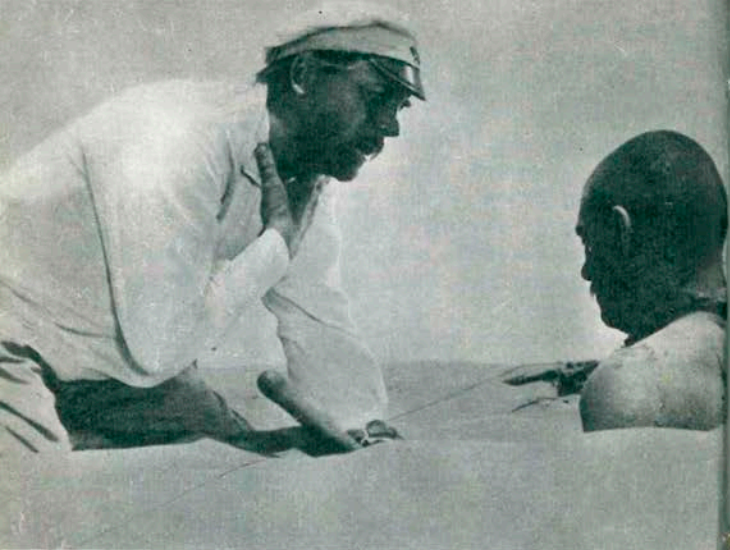
— Придется крюк дать, — вздохнул Сухов. — До колодца Пять чинар я тебя доведу, а дальше — извини... домой иду. Ты уж сам потом добирайся...

— Спасибо, — сказал Саид. — Я не забуду...

Сухов протянул руку Саиду. Тот поднялся, сделал шаг. Сухов закинул его руку к себе на плечо, и они побрели по пустыне...

Красноармейский отряд в сорок сабель торопился через пустыню к оазису Черная крепость. В отряде

было 15 русских, 12 туркменов, 9 киргизов, 4 узбека, 6 ручных пулеметов и 18 карабинов. Револьверы были у всех, а граната только одна — у командира Рахимова. Отряд шел без отдыха, и лошади и люди измотаны были до предела, но темпа не сбавляли: Рахимову сегодня выпал счастливый случай — взять курбаши Абдуллу, за которым он безуспешно гонялся уже целый месяц.

Спешил Рахимов, потому что хотел дойти до места затемно.

Курбаши Абдулла, утомленный ласками, спал в объятиях любимой жены. За пологом на женской половине спали девять других его жен. В полумраке подземелья, скрытого развалинами крепости, можно было различить только силуэты спящих, кувшины с каки-

ми-то напитками, сладости на подносе, подушки и круглые мутaki, разбросанные по коврам.

...Сощурившись, Рахимов смотрел вперед. В предрасветной мгле громоздились развалины старой крепости.

— Вот она, Черная крепость, — хрипло сказал Рахимов и махнул рукой.

Часть всадников отделилась и пошла в обход.

У полуразрушенных ворот на развалинах стен неподвижно сидели нукеры, охраняющие сон Абдуллы.

Отряд уложил коней. Несколько красноармейцев-туркменов с арканами и ножами поползли вперед. Остальные залегли, приготовив к бою оружие.

Один из нукеров вытащил игральные кости, потянул их в кулаке. Другой, кивнув, подсел. Первый кинул кости на каменную плиту, выпали две шестерки. Выигравший нукер радостно засмеялся. В этот момент петля аркана с легким свистом захлестнула его горло и прервала смех. Нукер захрипел и повалился. Одновременно другой аркан свалил его товарища.

Та же участь постигла в разных концах крепости еще трех нукеров. И лишь четвертый, влекомый арканом, успел выхватить нож и, полоснув по веревке, перерезать ее. Тем же ножом он убил прыгнувшего на него красноармейца и, перевернувшись на живот, выстрелил из револьвера.

Абдулла проснулся мгновенно. Сбросив с себя руку спавшей рядом жены, он схватил карабин и одежду и отбежал к стене, в верхней части которой был

выход из подземелья. Отсюда просматривались два марша лестницы, которая вела к дверям.

Абдулла натянул на себя штаны из мягкой замши, перехватил халат широким ремнем, на котором висело две кобуры. Наверху уже строчили пулеметы. Визжали на своей половине женщины, сбившись в кучу, как овцы.

Двое нукеров Абдулла уложили нескольких красноармейцев, но тут же были скошены зашедшим в тыл пулеметчиком. Пулеметчик увидел вход в подземелье и бросился в него.

Абдулла продолжал хладнокровно одеваться. Он завязал шнурки одного чарыка и стал надевать на ногу другой. В проеме двери появился красноармеец с пулеметом. Продолжая обуваться, Абдулла вскинул левой рукой карабин и не целясь выстрелил. Убитый покатился по лестнице вниз, к ногам жены Абдуллы. Та, вскрикнув, отпрянула в угол.

В стене повернулась тяжелая каменная плита, и из тайника вышел пожилой нукер.

— Прости, ага, что потревожил тебя. Кто-то нас предал.

— Эти красные никогда не начинают воевать вовремя, всегда на полчаса раньше, — недовольно проворчал Абдулла.

— Надо уходить, ага, мы окружены.

— Четки, — сказал Абдулла, ощупывая карманы халата. — Ищи четки.

Абдулла принялся шарить под подушками. Он раскидывал ногами подносы с едой, растоптав несколько спелых персиков. На лестнице появились два красноармейца. Абдулла выстрелил, красноармейцы упали по обе стороны лестницы. Нукер перевернул труп бойца, которого Абдулла убил первым, и протянул Абдулле четки. Абдулла облегченно вздохнул, приложил их к глазам и спрятал на груди.

— Займись ими, — кивнул Абдулла в сторону кричащих женщин. — Нельзя, чтобы они достались этим необрезанным собакам.

Нукер кивнул и лягнул затвором пулемета.

Абдулла схватил за руку любимую жену и потащил ее в потайную дверь. Нукер сорвал полог и навел пулемет на женщин. Те с воплями закрылись подушками. Раздалась очередь...

Нукер уронил голову на гашетку пулемета. Сбежавшие по лестнице красноармейцы бросились к тайнику.

Добравшись до конца подземного входа, Абдулла прижал к себе жену и, загоразиваясь ею, вылез на поверхность. Здесь под деревьями стояли две лошади и несколько джигитов. Продолжая прикрывать себя женой, Абдулла побежал к лошадям. Его заметили. От крепости раздался крик и выстрелы. Схватив повод второй лошади, Абдулла вскочил на вороного жеребца и, выстрелив в жену, огрел жеребца камчой.

Рахимов и трое красноармейцев скакали от крепости.

Абдулла легко уходил. Осадив коня, Рахимов выстрелил несколько раз и в отчаянии швырнул карабин на землю.

— Опять ушел!

— У него четки заговоренные, — сказал красноармеец-узбек.

— Коня свежие, — сказал Рахимов....

В оазисе Пять чинар — колодце с несколькими деревьями вокруг и куском глиняной стены — сидели у тлеющего костра Сухов и Саид. Сухов делился продуктами с Саидом: высыпал из своего мешочка половину запаса пшена, разделил сухари.

— Задержался я здесь. Месяц, как демобилизовался, а все здесь мотаюсь по пескам этим... Семь лет дома не был. — Сухов собрал выделенные Саиду про-

дукты в чистую портянку и пододвинул к нему. — На недельку хватит, а в Педжете еще что-нибудь раздобудешь... А я, извини, не могу, мне в Гурьев надо.

Саид снял с пояса кинжал и подал Сухову.

— Возьми, на память.

Сухов отстегнул кобуру с револьвером.

— На. Нельзя без оружия.

— Лучше бы ты меня не откапывал, — сказал Саид, взяв револьвер. — Теперь не будет мне покоя, пока не отомщу Джевдету.

— Мертвому спокойней, — согласился Сухов, — но уж очень скучно. А за что у тебя вражда с ним?

— Отца убил моего... В спину, когда он молился...

Саид помолчал немного, потом медленно, стараясь не напрягать пораненную ногу, поднялся.

— Пойду, — сказал он.

— Ну что ж, счастливо, — протянул ему свою палку с зарубками Сухов...

Отряд Рахимова шел по пустыне по следам банды Абдуллы. Отряд шел шагом, потому что девять бойцов спешились, отдав своих лошадей женам Абдуллы. Женщины ехали молча, закутавшись в чадры.

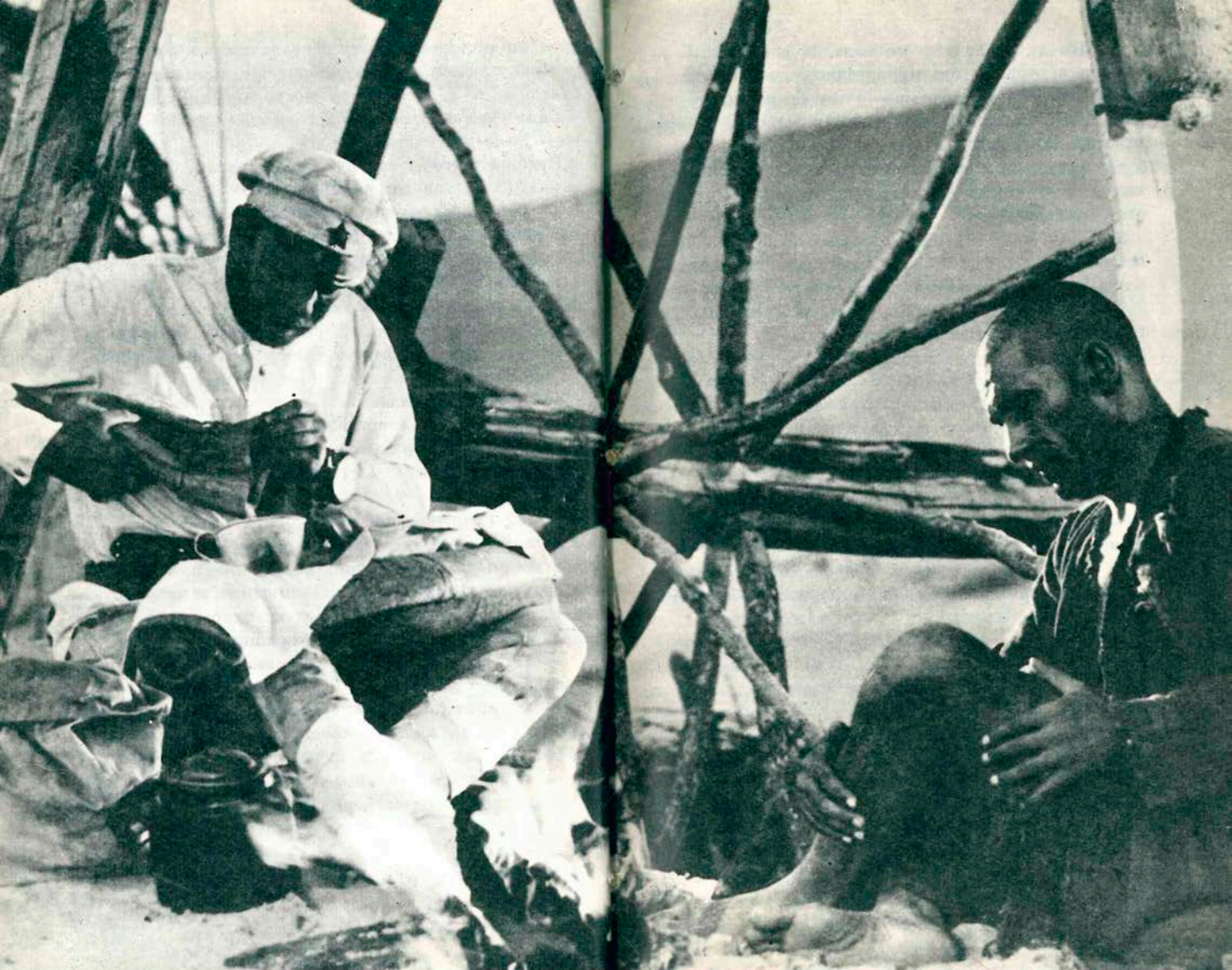
Рахимов нервничал, сновал из одного конца отряда в другой, поглядывая на женщин.

— На полсуток отстаем, — сказал он хмурому комзвода.

— С бабами нам его не догнать, — ответил тот.

Увидев, как молодой боец Петруха подъехал к одной из женщин и стал заигрывать с ней, что-то шепча и посмеиваясь, Рахимов подскочил к нему и вытянул плеткой по крупу его коня. Петруха дал стрелкача. Рахимов погрозил плеткой ему вслед, а затем погрозил и женщинам.

Вернулся в голову отряда.

— Доведу их до первого колодца и брошу! — сказал он в сердцах своему взводному. — Дам пшена полмешка, воблы, а дальше — как сами знают.

— Ты у каждого колодца так говоришь, — хмуро ответил взводный.

— А что же я их, бросить должен? — заорал Рахимов в отчаянии. — Они же умрут как мухи... в этой пустыне!

— Глянь-ка, — вдруг удивленно сказал взводный. Он увидел Сухова, который неторопливо шагал по пустыне метрах в двухстах от отряда.

Рахимов вытащил свой револьвер и дважды выстрелил в воздух. Сухов остановился...

— Кто такой? — спросил Рахимов, подъехав.

— Сухов.

— Врешь?! — Удивился Рахимов и спрыгнул с коня. Подал руку.

— А я Рахимов. Слыхал?

Сухов кивнул.

— А мне говорили, что ты демобилизовался, — продолжал Рахимов. — Слух идет, что ты уже в Астрахани...

— Пришлось задержаться, — сказал Сухов и оглядел стоявших вокруг бойцов. Они с любопытством смотрели на него.

У костра Рахимов делился с Суховым своими бедами.

— Двадцать семь дней за ним гоняюсь. Пол-отряда потерял. Третьего дня в Черной крепости совсем было накрыли — из рук ушел... Лютует. Ни своих, ни чужих не жалеет — совсем озверел!.. Грабит, жгет, режет всех подряд — старых и малых. Жен своих и то не пожалел: перестрелять хотел... В последний момент спасли... Одну убил.

— Видел я его работу, — сказал Сухов.

— Ну, ничего, — скрипнул зубами Рахимов. — Я этого Абдуллу все равно достану!.. Весь песок в пустыне просею... Своими руками задую! Лишь бы морем не ушел. А так он со всех сторон обложен.

— В Черной крепости его через трубу надо было брать, — вздохнул Сухов.

— Так он через нее и ушел. Я же не знал, что там ход. Сухов! — вдруг взмолился Рахимов. — Помоги!.. С тобой мы его враз прикончим. Ты ведь один целого взвода стоишь, а то и роты.

— Нет уж, хватит, — сказал Сухов. — Мне домой пора. Я и так большой крюк дал. Теперь по гипотенузе пойду — она короче. До Астрахани дойду, а там до Нижнего — по воде... Ты уж пойми меня — не могу.

— Сухов... — сказал Рахимов совсем жалобно. — Доведи хоть баб до Педжента, сделай милость. По рукам и ногам связали — пешком ходим. Захвати их с собой, а?..

— Многовато для меня, — улыбнулся Сухов. — Одну бы мог для услаждения жизни.

Рахимов сразу посуровел.

— Не надо с этим шутить. Это первые освобожденные женщины Востока...

Сухов продолжал улыбаться. Вдруг он увидел Саида, который, прихрамывая, появился из-за бархана.

— Ты как здесь оказался? — удивился Сухов.

— Стреляли, — ответил Саид и уселся на песок.

— Слушай, Сухов, — сказал Рахимов, воспользовавшись паузой, — я тебе человека дам, лошадь, пшена... а, Сухов? Доведи до Педжента... Сейчас ведь может, на триста верст никого из наших...

— Это точно, — согласился Сухов.

— Вот и хорошо, — почему-то обрадовался Рахимов, — вот и договорились.

— По коням! — заорал он, вскочив на ноги. Сухов продолжал лежать на песке, удивленно глядя на него.

— Товарищи женщины! — Рахимов уже был в седле. — Не бойтесь! С вашим мужем-эксплуататором мы покончим, а пока вы поступаете в распоряжение товарища Сухова. Он будет вас кормить и защищать. Он хороший человек...

— Стой! — закричал Сухов. — Стой! — Он вскочил на ноги.

Но отряд уже скакал вслед за Рахимовым, оставив Сухову молодого красноармейца Петруху с лошадью и женщин.

Сухов подскочил к Петрухе и схватил его винтовку. Но выстрела не получилось — осечка.

— Тьфу! Чтоб тебе! — Сухов в сердцах стукнул прикладом о песок, и раздался выстрел. — Ну что же мне, всю жизнь по этой пустыне мотаться?!

Саид молча наблюдал за Суховым.

— Не ходи в Педжент, — сказал он, когда Сухов, бросив винтовку, повернулся к женщинам. — Абдулла придет туда.

— Поживем — увидим, — буркнул под нос Сухов. — Подъем! — заорал он на женщин. Те испуганно вскочили на ноги.

— Отдай коня, — приказал Сухов Петрухе и показал на Саида.

— Вот список, — подскочил к нему Петруха, выполнив приказание.

Сухов взял список, некоторое время разглядывал его, потом приступил к перекличке.

— Зарина, Джамиля, Гюзель... — читал он имена женщин, а те одна за другой выстраивались перед ним в шеренгу, как солдаты. — Саида, Хафиза, Зухра, Лейла, Зульфия, Гюльчатый...

Гюльчатый играла с черепахой.

— Гюльчатый! — Сухов повысил голос.

Гюльчатай, бросив черепаху, подбежала к остальным женщинам.

— Напра... — крикнул Сухов, когда она заняла свое место в шеренге, и... вспомнил вдруг свою супругу Екатерину Матвеевну. Она стояла, прислонившись к молодой березке, такая далекая, такая непохожая на этих закутанных в чадры женщин пустыни...

— За мной, барышни, — скучно сказал Сухов, так и не закончив команды.

Тяжело вздохнув, он зашагал по песку. Женщины гуськом заспешили следом; за ними шел Петруха. Сайд верхом на коне замыкал «колонну».

Голос Сухова. *Душа моя рвется к вам, ненаглядная Катерина Матвеевна, как журавль в небо. Однако случилась у нас небольшая заминка... Полагаю, суток на трое, не более, а именно: мне, как сознательному бойцу, поручили сопроводить группу товарищей с братского Востока. Отметить надобно — народ подобрался покладистый, можно сказать, душевный, с огоньком, так что ноги мои бегут по горячим пескам в обратную сторону, потому как долг революционный к тому нас обязывает...*

Они подошли к Педженту в разгар солнечного дня. Пыльный, каменный, одноэтажный городишка, отгороженный от пустыни полуразрушенной стеной, был заметен издали из-за высокой дворцовой постройки с куполами и минаретами, возвышавшейся над полугими барханами пустыни...

Голос Сухова. *Еще хочу сообщить вам — дислокация наша протекает гладко, в обстановке братской общности и согласия. Идем себе по пескам и ни о чем не вздыхаем, кроме как об вас, единственная и незабвенная Катерина Матвеевна. Так что вот зря убиваться не советуем. Напрасное это занятие...*

Миновал несколько кривых улочек города, Сухов и его спутники вышли к Педжентскому дворцу. Щедро украшенное резьбой по камню и изразцовым орнаментом главное здание дворца было окружено высокой стеной. Дверь, ведущая во внутренний двор, была заперта. Над ней висела вывеска: «Музей красного Востока».

Сухов постучал в окованную железом дверь. Тотчас же, будто их ждали, из-за нее последовал ответ:

— Умоляю, только не в музей! Здесь величайшие ценности...

Голос был взволнованный, с чистым русским произношением.

— Погоди, — сказал Сухов, — открой дверь... Ты откуда взялся? — спросил он, увидев на пороге пожилого русского человека с бородкой клинышком и тубеткой на голове.

— Я хранитель музея. Моя фамилия Лебедев.

— Понятно, а где население?

— Спряталось... Прошу вас, уведите отсюда гарем, здесь величайшие ценности...

— Вот что, товарищ хранитель, — строго сказал Сухов, — эти девять освобожденных женщин Востока — тоже величайшая ценность. И давайте не спорить. Вопросы есть? Вопросы нет. За мной!

Сухов отодвинул хранителя и шагнул во двор. За ним последовали Петруха и женщины.

Лебедев остался у двери; он растерянно смотрел на бандита из шайки Абдуллы, который следил за ним из-за колонны, угрожающе выставив револьвер.

Сухов вытащил из кармана гимнастерки список. — Джамия, Зарина, Гюзель... — приступил он к переключке. Все женщины оказались на месте, кроме Гюльчатай, которая разглядывала вывеску музея.

— Гюльчатай! — повторил Сухов.

Торопливо перебежав двор, та заняла свое место.

Второй бандит в чалме выглянул с галереи второго этажа. В левой руке он держал большой лом дьны.

— До свиданья, барышни, — сказал Сухов и передал список Петрухе.

— Может, еще денек побудете, товарищ Сухов? — взмолился тот.

— Да не робей, Петруха, — бодро сказал Сухов. — Завтра придет Рахимов, заберет вас отсюда...

Бандит в чалме с удовольствием ел дыню...

Саид сидел, поджав под себя ноги, у стены, за дверью музея, и негромко напевал себе что-то под нос.

— Ну, Саид, счастливо оставаться, — сказал ему Сухов, — а я только в море ополоснусь и в дорогу... Смотри, больше не закапывайся...

Саид, продолжая напевать, смотрел вслед Сухову, спускающемуся к берегу моря...

Бандиты напали на Петруху, как только Сухов покинул дворец. Жестоко избив его, они вывели жен Абдуллы на улицу.

Петруха остался лежать ничком на каменных плитах музейного двора. Лебедев подбежал к нему, плеснул на изуродованное лицо воды...

Сухов вышел на окраину Педжента, к морю, туда, где кончалась железнодорожная ветка и стояло несколько нефтяных баков. Вдалеке на железнодорожном пути, едва заметном, а кое-где погребенном барханами, виднелась одинокая цистерна. Вдоль линии тянулись телеграфные столбы с оборванными проводами.

На берегу, метрах в двадцати от моря, лежал, опрокинувшись на бок, довольно большой баркас...

Сухов разделся, нырнул в воду и с удовольствием поплыл...

С баркаса за ним наблюдали два человека: русский унтер и бородатый азиат в меховой папахе. Когда он отплыл достаточно далеко, унтер спрыгнул на песок...

Искупавшись, Сухов вылез на берег и подошел к своим вещам.

— Руки! — раздался резкий окрик, когда он наклонился, чтобы взять с песка кобуру.

Кобура была пустой. Сухов бросил ее и поднял руки. Унтер и бандит в папахе держали его под прицелами своих револьверов.

— Красноармейцу Сухову. Именной. Комбриг Мэ Нэ Ковун, — прочитал унтер дарственную надпись на револьвере Сухова и бросил его третьему бандиту, появившемуся на палубе баркаса...

— У Абдуллы было одиннадцать жен, — сказал бандит в папахе Сухову, когда на берегу появились конвоируемые бандитами женщины. — Куда еще двоих подевал? Погоди, вот придет Абдулла, он тебе вырвет язык. Ну, чего молчишь?

— Язык берегу.

— Тебя как, сразу прикончить или желаешь помучиться? — спросил унтер.

— Лучше, конечно, помучиться, — сказал рассудительно Сухов.

Выполняя желание Сухова, унтер ударил его кулаком по лицу.

Бандит в папахе выстрелом из револьвера подал сигнал, и от коновязи, устроенной у одного из нефтяных баков, к баркасу подскочил еще один член шайки Абдуллы.

— Семен, — сказал бандит в папахе унтеру, — скачи к Абдулле.

Унтер вскочил на лошадь...

— А ну шагай, — сказал бандит в папахе Сухову и вдруг заметил большие, величиной с будильник, круглые часы на руке Сухова; глаза его алчно сверкнули. Сухов усмехнулся. Не опуская рук, он снял часы и бросил бандиту. Тот ловко поймал их. В ту же секунду Сухов в прыжке выбил у него из рук револьвер. Падая на песок, он дважды выстрелил. Сперва упал бандит в красном жилете, за ним — любитель часов.

Жены Абдуллы в панике бросились в разные стороны.

Сухов резко перекинулся с одного бока на другой, чтобы выстрелить в третьего бандита, на баркасе, но в этом уже не было необходимости.

Бандит хрипел и, извиваясь всем телом, пытался сорвать с шеи петлю аркана, наброшенную на него Саидом..

— Ты как здесь оказался? — спросил Сухов, когда, покончив с бандитом, Саид спрыгнул с баркаса и подошел к нему.

— Стреляли, — ответил Саид...

Голос Сухова: Обратю пишу вам, разлюбезная Катерина Матвеевна, поскольку выдалась свободная минутка. И разнежился я на горячем солнышке, будто наш кот Васька на завалинке. Сидим мы сейчас на песочке возле самого синего моря, ни в чем беспокойства не испытываем. Солнышко здесь такое, аж в глазах бело...

Петруха торопливо, почти бегом следовал за Суховым, который шагал от моря к Педженту. За ними, отстав метров на десять, гуськом семенили жены Абдуллы.

— Товарищ Сухов, — всхлипывая, просил Петруха. — А как Рахимов задержится, что будет тогда? Ведь Абдулла из-за них, знаете?..

— Не робей, Петруха, — сказал Сухов и передал ему винтовку.

Он остановился у ближайшего к морю двора. Здесь под стеной сидели на деревянных ящиках три высохших старика в чалмах. Обесцвеченные годами глаза их бесстрастно смотрели на Сухова, и если бы не четки, которые старики медленно перебирали, можно было подумать, что они вырезаны из серого, обветренного и обожженного солнцем песчаника.

— Здорово, отцы! — сказал Сухов.

Старики молчали.

Сухов хотел пойти дальше, но заметил вдруг на одном из ящиков, заменявших старикам стулья, полустертую надпись — «Динамит». Сухов легонько стукнул прикладом по ящику. Он не был пустым.

— Извини-ка, отец. — Сухов приподнял старика и посадил на землю рядом с ящиком. Затем лопаткой отодрал крышку и увидел аккуратно уложенные динамитные шашки.

— Где взяли? — спросил Сухов.

— Давно здесь сидим, — ответил один из стариков.

Сухов покачал головой, вынул крайнюю шашку, швырнул ее в воздух и выстрелил. Раздался оглушительный взрыв. Старики вздрогнули, но остались все так же спокойны и невозмутимы.

— Петруха, — приказал Сухов, — прихвати ящик — пригодится.

— Есть.

— А барышням объяви, — Сухов бросил взгляд на гарем, который сидел на песке поодаль от них, — что никакого Абдуллы не будет. Чтоб без паники. Ясно?

— Ясно!

Сухов пошел дальше. Вскочив на ноги, жены Абдуллы поспешили за ним.

У музея Сухова ждал Саид. Хмурый и сосредоточенный, сидел он на коне.

— Ты что? — спросил Сухов.

— У Абдуллы много людей..

— Это точно, — согласился Сухов.

— Завтра он будет здесь. Уходи!

— Теперь не могу, — сказал Сухов. — Видал, как все обернулось... Оставайся ты тоже.

— Здесь нет Джевдета. — Саид тронул с места коня.

— Ну, тогда счастливо...

Гулко звучали удары молотка. Сухов стоял на инкрустированном слоновой костью столике и прибивал фанерную вывеску над дверью помещения, в котором разместился бывший гарем. На вывеске неровными буквами было написано: «Первое общежитие свободных женщин Востока. Посторонним вход воспрещен».

— Они же взяли самые ценные экспонаты, — в паузах между ударами молотка объяснял Сухову смотритель музея Лебедев. Он придерживал покачивающийся под тяжестью красноармейца инкрустированный столик.

— Какие еще экспонаты? Я сказал барышням — брать ковры похуже...

— Это же одиннадцатый век! Чем старей ковер, тем ценнее...

— Сейчас посмотрим, — что они там взяли, — проворчал Сухов и слез со столика. Мимо прошел Петруха с большим медным кувшином в руках; следом шла, закутавшись в чадру, Гюльчатая.

— Они вас за хозяина принимают, — хихикнул Петруха, остановившись. — Как будто, значит, вы их муж...

Сухов насутился.

Из каменного колодца наверх вела узкая лестница. По ней, набрав воды в кувшин, поднимались Петруха и Гюльчатая.

Петруха обогнал Гюльчатую на две ступени и закрыл ей дорогу.

— Открой личико, открой, а? — попросил он. — Покажись хоть на секундочку. Ты не думай, я не какой-нибудь. Если что — я по-серьезному... замуж пойдешь. Мне ведь наплевать, что ты там чьей-то женой была. Ты мне характером подходишь — я тихих люблю... Откройся... Если личико ничего, я сразу по-сватаюсь.

Гюльчатая негромко рассмеялась.

В верхнем проеме показалась голова Сухова.

— Отставить!.. Я тебе дам личико! — гаркнул он. — К стенке поставлю за нарушение революционной дисциплины...

Женщина выскочила из колодца.

— Стой! — остановил ее Сухов. — Объяви барышням подъем... Стой! И вот что: с сегодняшнего дня назначаю тебя старшей по общежитию. Будешь отвечать за порядок. Вопросы есть?

— Нет. — Гюльчатая припустилась ко дворцу.

— Господин назначил меня любимой женой, — разнесся по двору ее ликующий крик.

Петруха стоял на стойке «смирно».

— Я же серьезно, — испуганно сказал он. — Желать хочу. Личико бы только увидеть. А то вдруг крокодил какой-нибудь попадется, потом томись всю жизнь...

— Давай, давай, тащи воду, — уже мягче сказал Сухов и пошел в «общезитие»...

Как только Сухов миновал дверь «общезития», раздался крики и в него полетели подушки. Жены Абдуллы все как одна задрали подола платьев и закрыли ими свои лица.

Сухов, вытаращив глаза, обалдело смотрел на оголенные животы женщин и на их длинные, до щиколоток, полупрозрачные шальвары.

Первой выглянула из-за подола Гюльчатаяй.

— Не бойтесь, это наш господин! — крикнула она, и женщины тотчас же открыли свои лица Сухову.

Они были разные, но все смотрели на Сухова преданно и призывно. Три из них были очень хороши. Сухов зажмурил на мгновение глаза.

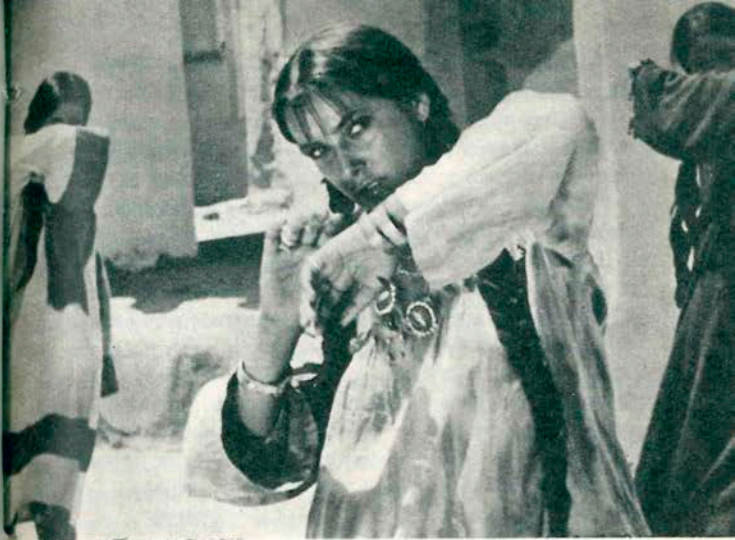
— Господин, — сказала Гюльчатаяй, — никто не должен видеть наши лица. Только ты! Ты ведь наш новый муж. Скажи своему человеку, чтобы он не входил сюда...

Сухов сглотнул слюну и, не глядя на гарем, походил немного по комнате.

— Товарищи женщины!.. — вдруг вдохновенно заорал он. — Революция освободила вас. Вы должны навсегда забыть свое проклятое прошлое — как в семейной жизни, так и в труде. У вас нет теперь хозяина. Нет господина. И называйте меня просто товарищ Сухов. Вы будете свободно трудиться, и у каждой будет собственный супруг...

Женщины внимательно слушали его...

— Раз, два! — выкрикнул Сухов.

— Взяли! — хором ответили ему гарем и Петруха. Они все дружно навалились на баркас, стоявший на валках, сдвинули его на несколько сантиметров. До воды оставалось еще метров двадцать...

— Раз, два! — крикнул Сухов.

— Взяли!! — дружно наваливались жены Абдуллы. Петруха и Сухов вытерли лбы.

— Еще бы человек пять мужиков, — сказал Петруха.

— Десять еще лучше, — согласился Сухов, — да где их взять?

— Раз, два! — крикнул он опять.

Женщины наваливались.

Баркас сдвинулся еще на три сантиметра...

— Ничего не поделаешь, — сказал Сухов женщинам, — придется потрудиться. Спустим баркас на воду — и в море...

— Может, передохнем? — предложил Петруха. — А то надорвутся с непривычки.

— Перекур! — объявил Сухов — Я посмотрю мотор, а ты пока сходи туда... — Он указал Петрухе в сторону белого дома, стоявшего на берегу в километре от них, — царская таможня там была, узнай, кто там сейчас. Вроде мелькнул кто-то...

Петруха отправился в сторону дома, а Сухов полез на баркас, в тени которого прилегли женщины... Дом показался Петрухе странным: в выжженном солнцем Педжете совсем не было зелени, здесь же из-за высокого дувала выглядывали густые деревья. Огромные ворота с металлическими кольцами были закрыты, на окнах, на ставнях висели замки.

Петруха обошел домик-крепость с трех сторон, но нигде не было никакой возможности пробраться хотя бы во двор...

Когда Петруха, прыгнув с разбегу, ухватился за верх дувала, приоткрылась одна из ставень и показали огромные усы и дуло револьвера.

Петруха спрыгнул в сад. Что-то зашуршало, зашлепало, сбив фуражку с его головы. Это пролетел по саду испуганный павлин. Он опустился рядом с другим павлином на навес в глубине двора.

Петруха вытер вспотевший лоб и огляделся. Двор был небольшой. Посреди двора располагался бассейн, и в нем плавали... осетры. По двору ходили маленькие барашки.

Петруха осторожно поднялся по каменной лестнице, ведущей на террасу второго этажа. На двери висел амбарный замок. И снова одна из ставень, на этот раз та, что выходила на двор, отворилась, и в ней показались усы и револьвер.

Петруха не заметил этого. И, решив, что в доме никого нет, хотел выбраться со двора. Сделать это было нетрудно, так как лестница на террасу шла

возле дувала. Но только Петруха повернулся, как сверну, из окна, раздался голос:

— Стой!.. Руки вверх!

Петруха замер и поднял руки вместе с винтовкой. Кто-то схватил его за запястья и одним мощным рывком втянул в окно.

Оказавшись в комнате, Петруха увидел перед собой огромного, тучнеющего уже, усатого мужчину в казачьих шароварах и белой нательной рубашке.

В полумраке (ставни повсюду были закрыты) Петруха разглядел на стене текинский ковер с саблями и балалайкой, несколько фотографий, под потолком клетку с птицей, на окнах занавески, цветы, на одном из подоконников пулемет «максим», в углу иконostas, под ним горка гранат и пулеметных лент. В другом углу стояла широкая кровать с цветастым одеялом и горой подушек. Под кроватью — другой «максим».

— Ты в чей дом забрался? Отвечай, — сказал усач.

— Не знаю, — вполне искренне ответил честный Петруха.

На столе он увидел самовар, труба которого выведена была в окно. Возле откупоренной уже бутылки и цветных пиал лежали в тарелках румяные пироги, картошка в мундире, соленые огурцы, пол-арбуза и персики.

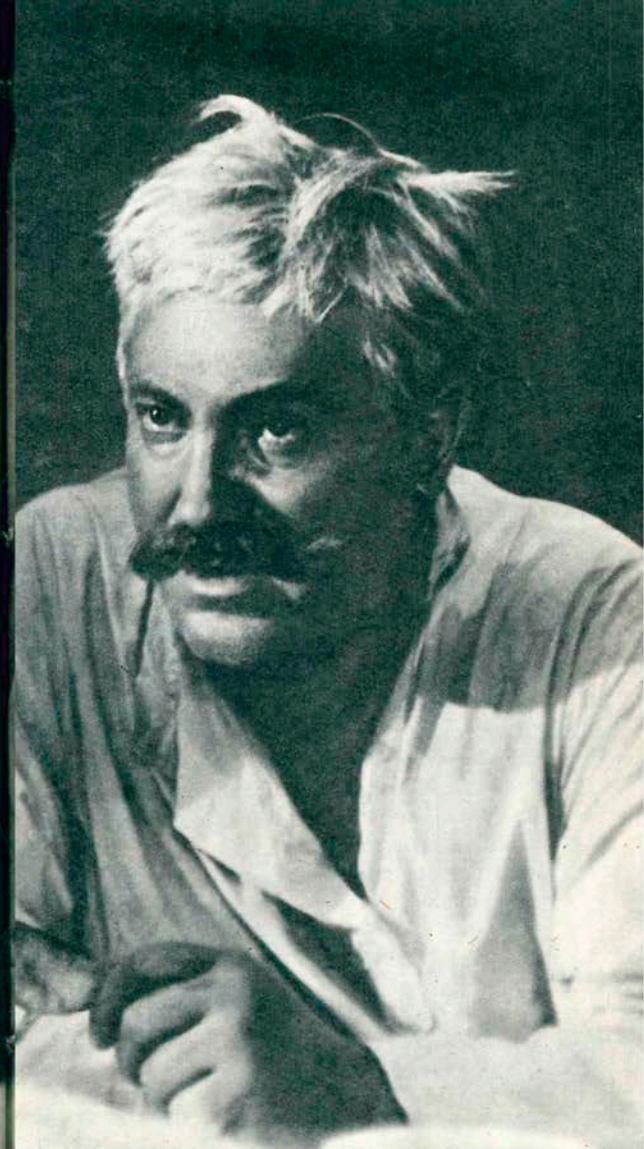
— Ты что, не слыхал про Верещагина?! — удивился усач. — Дожил! Было время, в этих краях каждая собака меня знала. Вот так держал. — Усач сжал свой огромный кулак. — А сейчас забыли...

Усач подошел к столу и нарезал пирог.

— Садись, — он подвинул Петрухе пиалу со спиртом, — пей, коли храбрый.

Петруха отпил немного и схватился за огурец.

Усач залпом хватил свой стакан...

Саид ехал по пустыне. И хотя он был занят своими мыслями, он сразу заметил трех всадников, вскочивших из-за бархана.

Саид продолжал ехать в том же направлении.

— Стой! — крикнул один из всадников. — Стой! Кому говорят?!

Другой выстрелил...

В ту же секунду, свесившись с седла, Саид дважды выстрелил по бандитам из-под лошади.

Двое бандитов свалились с коней. Третий дал стрелача.

Саид развернул коня и поскакал за ним. Конь вынес Саида на вершину бархана. Саид вскинул винтовку и... В тридцати метрах прямо на него двигался отряд Абдуллы. Два пулеметчика держали Саида на прицеле. Саид опустил винтовку...

Отряд насчитывал полсотни всадников и пару десятков груженных тюками верблюдов. В середине, окруженный телохранителями, ехал на белом коне Абдулла.

— Зачем ты убил моих людей, Саид? — спросил он, когда отряд подошел поближе. — Я послал их сказать, чтобы ты не искал Джевдета в Сухом ручье. Его там нет...

Абдулла говорил спокойно, легкая усмешка кривила его губы, но глаза смотрели недобро.

— Твой отец был другом моего отца. Дорога легче, когда встретится добрый попутчик. Ты будешь моим гостем.

Абдулла подал незаметный знак. Четыре бандита подскакали к Саиду и встали рядом с ним, с двух сторон...

Сухов возился с мотором баркаса. Наконец мотор заработал. Сухов вылез на палубу. Петрухи не бы-

ло. Сухов вытер руки, спрыгнул с баркаса и пошел к бывшей таможене...

Усач Верещагин сидел с Петрухой в обнимку на полу и пел:

«...А кому иначе,
Десять граммов в сердце...
Постой, не зови!
Не везет мне в смерти,
Повезет в любви.
Ваше благородие,
Госпожа чужбина,
Жарко обнимала ты,
Да только не любила...»

Сухов подошел к дому. Прислушался к песне. Потом бросил в открытое окно камешек и присел на песок...

...Камешек упал в пиалу с водкой, которую Верещагин собирался поднести ко рту. Некоторое время усач оторопело смотрел на камешек, лежавший на дне пиалы, затем двумя пальцами выловил его и опорожнил пиалу.

— Эй, хозяин, — позвал его снаружи Сухов. — Прикурить есть?

Услышав голос своего командира, Петруха бросился к окну, но Верещагин силой усадил его на место.

— Ты что? — спросил он.

— Это же товарищ Сухов, — заплетающимся языком сказал Петруха. Он сильно захмелел.

— Сухов, говоришь? — усмехнулся Верещагин. — Ну ладно, сейчас мы посмотрим, какой это Сухов.

Верещагин, покряхтывая, тяжело поднялся, подошел к иконе и поднес к огню лампы фитиль динамитной шашки. Затем он перекрестился и направился с ней к окну...

Сухов продолжал сидеть на песке перед домом.

— На, держи, — сказал ему появившийся в окне Верещагин. — Прости меня, грешного, — пробормотал он и швырнул шашку Сухову.

Шашка упала рядом с Суховым. Шнур стремительно укорачивался. Сухов протянул руку, взял ее, неторопливо прикурил и бросил через плечо. Не долетев до земли, шашка взорвалась, взметнув к небу тучу песка.

— Благодарствуйте, — не оглянувшись на взрыв, поблагодарил Сухов усача и затянулся.

— Ну, заходи, — Верещагин кинул ключи...

— Садись, выпьем, — пригласил он гостя к столу, когда Сухов вошел в комнату.

— Можно, — согласился Сухов и посмотрел на фотографии, висевшие на стене. На одной из них Верещагин, молодецкато закрутив усы, сидел в мундире и орденах рядом с молодой женщиной в чепчике, очевидно женой.

— Во дворе павлинов видел? — спросил Сухова Верещагин.

— Видел.

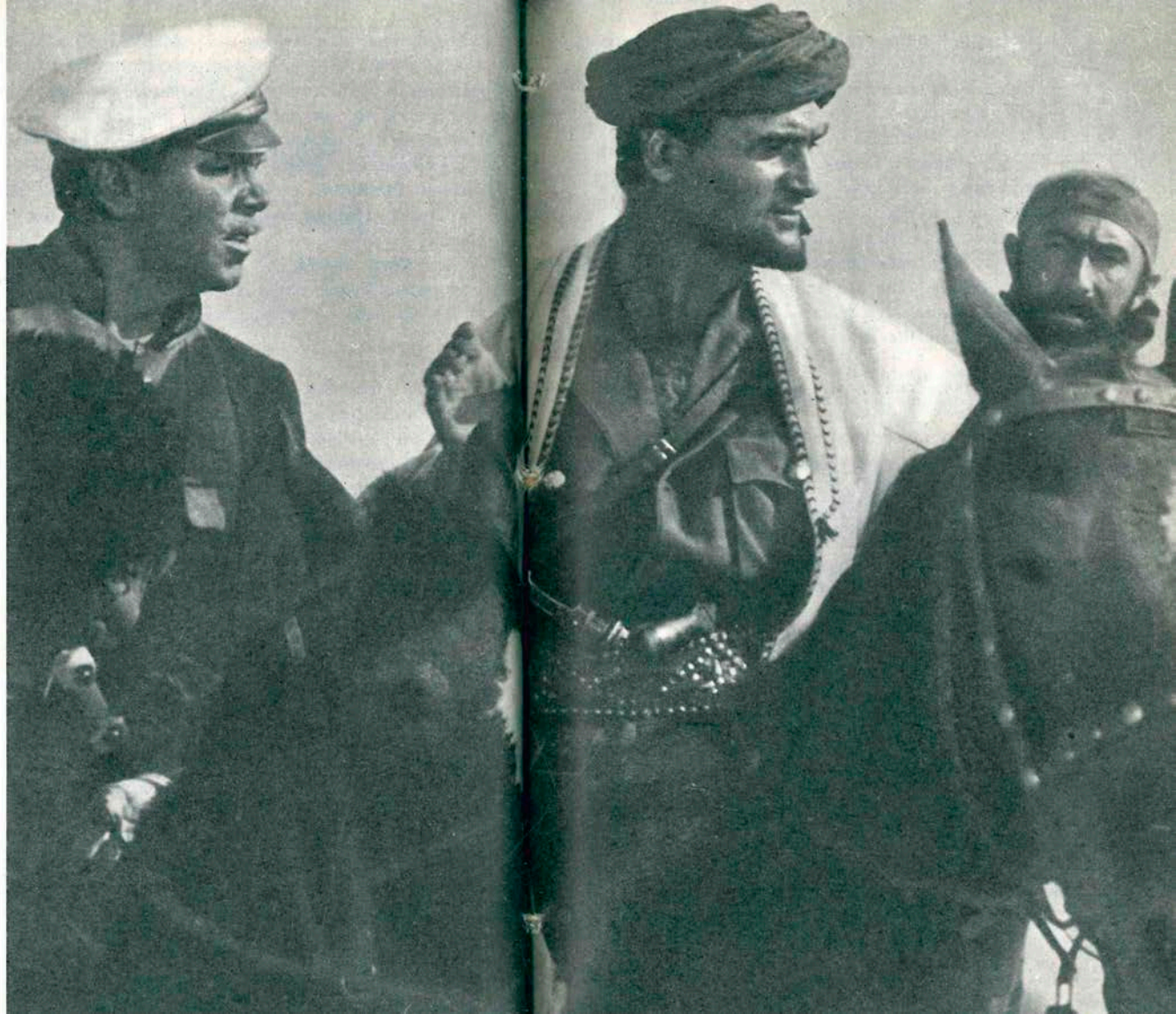
— Вот на них сменил мундир-то. — Верещагин налил в пиалы водку. — Петруха!

— Я не пью, — сказал еле державшийся на ногах Петруха.

— Правильно, — одобрил его Верещагин. — Я вот тоже сейчас это допью, — он поставил на стол большую бутыл, до половины наполненную водкой, — и брошу.

Сухов взял свою пиалу, не торопясь выпил водку и вытер усы.

— Больно мне твой Петруха по душе, — сказал Верещагин, опорожнив свою пиалу. — Выпьем...

— Погоди, — остановил его Сухов, — мы к тебе по делу.

— Знаю, — сказал Верещагин, — все знаю...

— Пулемет дашь?

— Абдуллу ждешь?

— Жду, — сказал Сухов.

Верещагин понимающе покачал головой.

— Вот что, Сухов, — сказал он, помолчав, — была у меня таможня. Были контрабандисты. Сейчас таможни нет. Контрабандистов нет... В общем, у меня с Абдуллой мир. Мне все едино, что белые, что красные, что Абдулла, что ты... — Тут Верещагин вздохнул. — Вот если бы я с тобой пошел, тогда другое дело.

— Ну, в чем же дело? — спокойно спросил Сухов. — Пошли.

— Пшли, — подтвердил пьяный Петруха; ему очень хотелось, чтобы большой и сильный Верещагин присоединился к ним, очень хотелось.

Верещагин встал из-за стола. Сжал свой огромный кулак.

— Пошли ребята, — сказал он, — тряхну стариной...

— Здравствуйте, — сказал Сухов, глядя мимо Верещагина в сторону двери.

Там вдруг появилась высокая, плотная женщина, та, что сидела рядом с Верещагиным на фотографии. Она удивленно смотрела на Верещагина, на бутылку с водкой, на неожиданных гостей...

Верещагин обернулся. Увидел женщину.

— Здравствуйте, — ответила она на приветствие Сухова и вышла в другую комнату.

— Ребята, я сейчас, — сказал Верещагин упавшим голосом и пошел за ней.

Петруха дернулся с места.

— Назад! — Сухов ухватил его за гимнастерку...

Женщина, это была жена Верещагина, плакала, прислонившись к дубовому комоду.

— Ты что говорил? — говорила она сквозь слезы Верещагину. — Какие клятвы давал?! Сдурел на старости лет...

Лицо Верещагина жалостливо скривилось.

— Настасья, — просительно сказал он.

— Мало тебе, что ты молодость мою сгубил, — продолжала Настасья, — а сейчас и вовсе вдовой оставить хочешь?!

— Настасья, — еще более просительно сказал Верещагин и, нагнувшись, поднял установленный на подоконнике ручной пулемет.

— Ой, Паша! Пашенька! Паша! Пашенька, прости, христом богом прошу! Прости, Паша! — бросилась к

нему Настасья и ухватилась за приклад пулемета. — Не ходи. Не ходи с ними. Погубят ни за грош!

Сухов и Петруха продолжали сидеть на своих местах. В комнату вошел с пулеметом в руках Верещагин.

— Вот что, ребята, — сказал он, переводя дыхание. — Пулемета я вам не дам.

Сухов встал на ноги.

— Павлины, говоришь? — сказал он, усмехнувшись. — Понятно... Пошли, Петруха.

Они прошли мимо Верещагина, все еще державшего пулемет в руках, и спустились во двор...

За воротами, в тени дувала, их ждал гарем.

— А вас кто сюда звал?! — прикрикнул Сухов на женщин, вскочивших при его появлении на ноги. — Марш в общежитие.

Женщины заторопились в сторону музея.

— С ними мы баркас на воду не спустим, — сказал Сухов Петрухе, — надо что-нибудь другое придумать...

Сухов и Петруха подтащили к баркасу ящик с динамитом, конфискованный у педжентских стариков.

Спустившись в трюм, Сухов прошел к мотору. Достав кусок бикфордова шнура, присоединил его к одному из цилиндров под свечу.

— Считай, — сказал он Петрухе и запустил мотор. Шнур загорелся. Петруха начал считать:

— Один, два, три, четыре... — Он досчитал до сорока двух, пока шнур сгорел до конца. Отрезав новый кусок шнура, Сухов проделал эту операцию еще

раз. Шнур загорелся снова. Убедившись таким образом в надежности своего замысла, Сухов вытащил из ящика несколько шашек, затем один конец бикфордова шнура присоединил к свече, другой — к ящику с динамитом.

— Спрячь получше ящик и шнур, чтоб не видно было, — приказал Сухов Петрухе, — и приberi здесь все.

— Теперь пускай плывут себе, — потер руки Петруха. — За кордон собрались. Заведут мотор и через сорок два ка...ак!

— Это точно, — строго сказал Сухов и полез по лестнице на палубу.

Банда Абдуллы неторопливо двигалась к Педженту. Абдулла был в хорошем расположении духа.

— Мой отец перед смертью сказал: «Абдулла, я прожил жизнь бедняком... — рассказывал он Саиду, ехавшему рядом, — и я хочу, чтобы бог послал тебе дорогой халат и красивую сбрую для твоего коня. Я долго ждал, а потом бог сказал мне: «Садись на коня и возьми сам что хочешь... если ты храбрый и сильный...»

Абдулла умолк, чтобы дать высказаться собеседнику.

— Мой отец ничего не сказал перед смертью. Джевдет убил его в спину, — мрачно произнес Саид.

— Твой отец был мудрый человек, — продолжал Абдулла. Большое сильное его тело мерно покачивалось в седле. — Но кто на этой земле знает, что есть добро и зло? Кинжал хорош для того, у кого он есть, и плохо тому, у кого он не окажется в нужное время...

Ночью четыре огромных факела пылали вокруг Педжентского музея. Это Сухов установил на площади бочки с керосином и поджег их.

Отблески света трепетали, неровно освещая ночные улицы, дома.

Сухов с крыши дома наблюдал за ночным городом.

...Гюльчатая уже спала, ее юное лицо было спокойно.

У изголовья каждой бывшей жены висела табличка с ее именем.

— О аллах, — поднялась вдруг одна из них. — Есть хочу.

И тогда, как по команде, поднялись все и обернулись к Гюльчатой.

— Наш муж забыл нас, еще нас не узнав. Это его дело. Но почему он не дает нам мяса? — протянув к ней руки, сердито сказала Джамия. — Когда я была любимой женой Абдуллы, мы каждый день ели мясо! — с презрением глядя на Гюльчатую, добавила она. — И даже орехи... И рахат-лукум!

Гюльчатая испуганно слушала Джамию.

— Может быть, ты плохо его ласкаешь? Или ему не нравится, как ты одета?

— Мы сами должны ее приготовить. — Женщины окружили Гюльчатую, подняли ее с места, развязали свои узелки с нарядами.

В серьгах, кольцах, браслетах, разодетая и ярко накрашенная, как и полагалось любимой жене хозяина гарема, шла Гюльчатая по галерее музея. Проходя мимо спящего Петрухи, Гюльчатая прикрыла лицо и некоторое время постояла над ним. Потом исчезла в темноте...

Сухов с крыши наблюдал за ночным городом. Послышались легкие шаги. Сухов оглянулся, насторожился. В люке чердака появилась Гюльчатая. Она откинула чадру и тихо ждала, когда Сухов взглянет на нее.

— Ты зачем пришла? — спросил Сухов.

— Я пришла к тебе, господин, — Гюльчатая, улыбаясь, приближалась к Сухову.

— Ты чего это так расфуфырилась? — спросил он строго.

Гюльчатая, улыбаясь призывно, шла на него.

— Ты чего?.. — спросил Сухов. — Ты что?! — прикрикнул он.

Гюльчатая вплотную придвинулась к нему.

— Ты это оставь! — шепотом сказал Сухов. Он совсем близко увидел ее глаза, губы...

— Господин, плохо — таранька, таранька... Дай твоим женам мяса.

— Что? — удивился Сухов.

— Дай самый плохой барашек. Гюльчатой будет тебя любить.

Сухов покачал головой.

— Мяса... А где его взять? Каши и той нет, а ты мяса просишь... Одна таранька осталась...

Гюльчатой, продолжая ласково глядеть на Сухова, села ему на колени.

— Ты это оставь, — несколько растерянно сказал Сухов и попытался отодвинуть ее от себя. — А может, и впрямь тебя замуж отдать?! — осенила его вдруг спасительная мысль. — Женю на тебе Петруху законным браком. Парень он холостой, повезет тебя к матери своей.

— Петруха? — спросила Гюльчатой, продолжая сидеть на коленях у Сухова. — Я твоя жена. Разве не правда?

— Моя жена дома, — нахмурился Сухов.

— Разве ты не можешь сказать, что Гюльчатой твоя любимая жена? Разве она обидится?

— Обидится! — Сухов вздохнул. — Сколько раз тебе объяснять: нам полагается только одна жена. Понятно? Одна.

Гюльчатой удивилась.

— Как же так — одна жена любит, одна жена пищу варит, одна одежду шьет, одна детей кормит — и все одна?

— Ничего не попишешь.

— Тяжело, — сказала Гюльчатой.

— Конечно, тяжело, — вздохнув, согласился Сухов. И опять, в который уже раз за время его странствий по пустыне, предстала перед его глазами Ека-

терина Матвеевна, законная супруга. — Ладно, ладно. Спокойной ночи. Завтра поговорим. — Сухов спихнул со своих колен Гюльчатой...

А когда он под утро задремал ненадолго, приснилось ему, что сидит он на зеленой лужайке в окружении своих многочисленных жен общим числом в десять человек — гарем плюс незабвенная Екатерина Матвеевна.

Жены, как полагается, одеты в нарядные платья, на головах у них цветастые платочки, и все заняты делом: кто шьет, кто прядет, кто классиков революционной борьбы изучает... А посреди всех их, окруженный вниманием и лаской, сам он, Федор Сухов, восседает. В красной чалме и в обнимку с любимой Екатериной женой Матвеевной... Чай пьет из пнялы...

В это время отряд Абдуллы выехал на берег и резвым шагом приближался к баркасу. Когда первые всадники поравнялись с нефтяными баками, раздались крики унтера:

— Гляньте! Ибрагим! Его халат!..

Подхватив на ходу меховую папаху, унтер подскочил к Абдулле.

— Бедный Ибрагим.

Унтер протянул папаху Абдулле.

Тот повернулся к Саиду.

— Пока я их не возьму, ты останешься здесь, — сказал он сурово.

Пришпорив коня, он поскакал к Педженту.

Часть бандитов поскакала за ним.

Сопровождавший Саида «почетный караул» снял с него винтовку и кинжал...

Сухов все еще подремывал на крыше музея.

Голос Сухова. *А еще хочу приписать для вас, Катерина Матвеевна, что иной раз такая тоска к сердцу подступит, клешнями за горло берет. Думаешь, как-то вы там сейчас? Какие нынче заботы? С покосом управились или как? Должно быть, травы в этом году богатые... Ну да недолго разлуке нашей тянуться. Еще маленько подсоблю группе товарищей, кое-какие делишки улажу и к вам подамся...*

Тут Сухов проснулся. Вскочил на ноги. К этому времени бандиты Абдуллы уже окружили крепость. Вышедший прогуляться за ворота Петруха попытался открыть по-ним стрельбу. Но, к счастью, винтовка его опять дала осечку. Банда промчалась мимо, не заметив его в старой полужасыпанной траншее...

Абдулла, соскочив с коня, направился к воротам музея.

Голос Сухова. *Бесценная Катерина Матвеевна. Простите великодушно... Небольшая заминка. Докончу в следующий раз...*

Абдулла, стремительно поднимался по лестнице, ведущей на второй этаж музея. У вывески «Общезитие первых свободных женщин Востока» он задержался. Прочитав ее, вошел к женщинам. Сопровождавшие его нукеры остались у дверей...

Жены Абдуллы, сбившись в кучу, жались в угол.

— Станьте каждая у своей кровати, — приказал Абдулла.

Женщины подчинились.

— Джамиля, разве тебе плохо жилось у меня? Почему ты опозорила мое имя?.. — спросил Абдулла. В мрачном голосе его вдруг проскользнули груст-

ные нотки. — Разве я не любил тебя? А ты, Зумруд! Обидел ли я тебя хоть раз? Почему ты не умерла, когда тебе предложили стать бесчестной? Разве ты не клялась мне в том, что всегда будешь мне верной женой... А Гюльчатай? Помнишь ты тот день, когда впервые пришла в мой дом?

Женщины кутались в чадры, но Абдулла безошибочно узнавал каждую из них.

— А вы все! Почему встали на путь бесчестия? Почему обесславили мое имя и покрыли его позором?

— Мы были верны тебе, господин, — тихо сказала Джамиля.

— А кто поверит этому?! — спросил Абдулла. — Да простит меня аллах, но нет вам прощения, жен-

щины. Пришел ваш час. — Абдулла спустил предохранитель своего револьвера.

Сзади донесся легкий шорох. Обернувшись, Абдулла увидел в узком окне общежития Сухова. Он сидел на подоконнике, сзади него висела веревка, в руках он держал револьвер.

— Руки вверх и лицом к стене! Быстро! — приказал Сухов.

Абдулла поднял руки.

— Брось оружие. Обернешься — стреляю.

Абдулла вынужден был подчиниться...

Сухов пинком ноги отворил дверь общежития и поставил револьвер на двух нукеров, стоявших на часах. Приказал им бросить оружие и встать лицом к стене. Те тоже подчинились.

Сухов подвел Абдулла к барьеру галереи так, чтобы он был виден со двора стоявшим там бандитам.

— Прикажи им сложить оружие, — громко скомандовал Сухов Абдулле. — Или я отправлю тебя к аллаху.

Бандиты, увидев Абдулла, взятого на мушку, растерялись.

— Ты слышишь меня? — спросил Сухов. — Говори. Абдулла молчал. Тогда заговорил Сухов:

— Вы должны все погрузиться на баркас и морем уйти из Педжента. Я передам вам его, — Сухов показал на Абдулла, — когда вы отчалите от берега. Ясно? А теперь освободите двор! Чтобы ни души здесь не осталось... Вы тоже катитесь отсюда, — приказал Сухов нукерам, стоявшим у стены...

Бандиты очистили музей. Сухов подтолкнул Абдулла, и они пошли на первый этаж музея, к «зиндону» — подвальной тюремной комнате с небольшим зарешеченным оконцем и дверью, запирающейся снаружи на железный засов.

Здесь к ним подбежал Петруха.

— Останешься здесь, — приказал ему Сухов, после того как дверь за Абдуллой была заперта. — А я схожу на берег. Поглядим, что делают бандиты...

Бандиты готовились к отплытию.

Они грузили на баркас тюки с награбленным добром, запасались в дорогу провизией, на огне нескольких больших костров поджаривались туши дикобразов и козлов.

Сообщение о пленении Абдуллы привело банду в замешательство. Все вскочили на ноги, прекратили погрузку, засуетились.

Саид сидел у костра, когда первый примчавшийся из крепости бандит выкрикнул задыхающимся голосом:

— Абдуллу украли!

К берегу, выполняя условие Сухова, скакали еще полтора десятка всадников.

Саид встал. Подошел к ближайшему бандиту и спокойным, но быстрым движением вытащил у него из-за пояса револьвер. Приставив дуло к заросшему подбородку растерявшегося от неожиданности бандита, Саид снял с его плеча и винтовку.

— Не говори никому, не надо, — доброжелательно, почти ласково посоветовал он ему и, продолжая держать под прицелом, отступил на несколько шагов, чтобы вскочить на своего коня.

Из-за гребня большого бархана, выставив вперед ствол ручного пулемета, Сухов следил за происходящим у баркаса.

Саид подъехал к нему, соскочил с коня, прилет рядом.

— Обманут тебя, — сказал он. — Они сядут на баркас, ты отпустишь Абдуллу, они вернуться.

— Это вряд ли, — усмехнулся Сухов.

Во дворе своего дома, под навесом, жена Верещагина Настасья вспорола брюхо огромному осетру, выложила икру в большую миску, посолила ее и, взбив, понесла в дом.

Настасья отворила дверь и вошла в комнату.

Верещагин, раскинувшись на широкой кровати, спал. Он бормотал во сне, стонал, всхлипывал. Настасья неодобрительно покачала головой и перекрестилась на образы.

— Урра, за мной, ребята! В штывки! — закричал Верещагин и вскочил весь в поту.

Настасья полотенцем обтерла его и поставила на стол миску с икрой.

— Опять пил не закусывал? — спросила она строго.

— Не могу я больше эту проклятую икру есть, — взмолился Верещагин. — Надоела!..

— Ешь, тебе говорят!..

Верещагин вздохнул и, зачерпнув полную ложку икры, отправил ее в рот...

— Ой, что нынче страху-то в поселке! Из дома никто носа не кажет, — рассказывала Настасья, пока Верещагин с отвращением глотал икру. — Ревкома уполномоченный-то с милиционером все еще в цент-

ре, не вернулись. А этот рыжий, что к нам приходил, самого Абдулла будто поймал. Не к добру это... Господи, ты хоть не задирайся, не встречай! Ведь будет с тебя, свое отвоевал...

Петруха, вооруженный винтовкой, сидел у двери «зиндона». Абдулла вел себя тихо, его даже не было слышно.

Через двор музея к колодцу прошла Гюльчатая.

Петруха вскочил на ноги, окликнул ее. Гюльчатая остановилась.

— Гюльчатая, открой личико, — попросил ее Петруха, подойдя поближе. — Ну, открой...

Гюльчатая колебалась...

Вдруг за углом раздался непонятный шум.

— Вроде крадется кто-то, — встревоженно сказал Петруха. Они прислушались. Действительно, из-за поворота галереи второго этажа доносились какие-то звуки.

— Последика за дверью, — попросил Петруха. — Я сейчас...

Он добежал до арки и свернул за угол здания...

Гюльчатая положила кувшин на землю.

— Гюльчатая, — услышала она свое имя; голос, произнесший его, заставил ее задрожать. — Подойти к двери.

Гюльчатая приблизилась к двери. В небольшое оконце она увидела связанного Абдулла.

— Открой лицо! — сказал Абдулла, пронзительно глядя на бывшую жену. — Теперь отодвинь засов, — продолжал он, когда она подчинилась ему. — Подойди сюда...

Женщина шагнула за дверь. Она шла к Абдулле, как кролик к удаву, не смея отвести глаза от страшных глаз своего мужа.

— Развяжи, — приказал Абдулла.

Женщина послушно освободила его от веревок. Абдулла положил руки на плечи жены. Глядя ей прямо в глаза, он сдавил ей горло и отпустил. Она упала на пол...

На галерее второго этажа Петруха увидел Лебедева, который складывал какие-то картины и посуду в нишу, сделанную им в полу. Рядом лежали плиты, которыми он собирался ее прикрыть.

— А, это ты, — облегченно вздохнул Петруха, — что ты там делаешь?

— Прошу вас, ни звука, — поднес палец к губам Лебедев, — здесь тайник от бандитов.

Петруха поспешно вернулся на свой пост. Гюльчатая сидела у двери.

Петруха присел рядом.

— Ну, открой личико, — попросил он. Чадра откинулась. Худое недоброе лицо Абдуллы открылось под ним.

Петруха отшатнулся, попытался вскочить. Сильный удар в шею помутил его рассудок. В следующее мгновение он был убит штыком винтовки, которую Абдулла снял с его плеча...

Сухов с Саидом возвращались в музей. Въехав во двор, Сухов окликнул Петруху. Ответа не последовало. Сухов пробежал через внутренний двор и увидел распростертое на земле тело Петрухи. Из груди его торчал штык.

Сухов вынес из подземелья тело Гюльчатой и осторожно уложил рядом с Петрухой.

Снял кепарь, постоял немного...

Подошел Саид.

— А теперь уходи скорее, — сказал он, — одному нельзя оставаться.

— Не могу, — ответил Сухов. — Абдулла убьет женщин.

— Абдулла убьет тебя. — Упрямство Сухова не нравилось Саиду. — Это его жены. Через полчаса будет поздно. Я должен ехать.

— Я рассчитывал на тебя, Саид, — с сожалением сказал Сухов.

— Если меня убьют, кто отомстит Джевдету? — спросил Саид.

— Я рассчитывал на тебя, — повторил Сухов и пошел к плачущим женщинам.

Они долго сидели вокруг трупов Гюльчатой и Петрухи...

Когда Сухов отошел от женщин, его догнал Лебедев.

— Я понимаю, вам наплевать на имущество музея, — сказал он взволнованно, пока они поднимались на крышу, — но поймите меня. Ведь все здесь погибнет, если вы не уйдете отсюда. Они сожгут, уничтожат все до последнего экспоната. Вы же не сможете один противостоять целой банде. Умоляю вас, уведите этих женщин отсюда...

— Поздно, — сказал Сухов. — Некуда бежать. Ничего не поделаешь, придется ждать их здесь.

Сухов увидел, как во дворе Саид сел в седло своего коня и выехал из ворот музея.

Сухов смотрел ему вслед, пока он не скрылся за барханами. Теперь Сухов почувствовал, что остался совсем один. Лебедев был не в счет.

Он взял свой «сидор», лежавший рядом с пулеметом, достал из него чистые портянки и рубашу. Переобулся, переделался, укрепив на доске осколок зеркала, начал бриться...

Брился он тщательно, не спеша, о чем-то сосредоточенно думая.

Голос Сухова. *А ежели вовсе не судьба нам свидетелься, Катерина Матвеевна, то знайте, что был я и есть до последнего вздоха преданный единственно вам одной. И поскольку, может статься, в песках этих лягу навечно, с непривычки вроде бы даже грустно, а может быть, от того это, что встречались мне люди в последнее время все больше душевные, можно сказать, деликатные. Тому остаюсь свидетелем боец за счастье трудового народа всей земли, Закаспийского интернационального революционного пролетарского полка имени товарища Августа Бебеля красноармеец Сухов Федор Иванович!*

...Вдруг, не добрав одну щеку, Сухов схватил пулемет и побежал вниз.

Пробежал через площадь, по узким улочкам Педжента и остановился у нефтяных баков. В упор он дал по одному из баков несколько очередей, осмотрел следы от пуль и побежал обратно...

Банда в полсотни всадников, впереди которых мчался почерневший от злости Абдулла, ворвалась в Педжент. Дико крича и стреляя, она неслась к зданию музея.

Несколько пулеметных очередей ударили по его окнам. Десяток бандитов, спрыгнув с коней, вбежали в здание музея и, непрерывно стреляя, рассыпались по этажам. Они прочесывали комнату за комнатой, чтобы найти Сухова и женщин.

Двое рванули дверь женского общежития — там было пусто. Четверка бандитов, полезшая на крышу, тоже никого не обнаружила.

— Никого нет, — доложили они Абдулле, который ждал их во дворе музея. — Как в землю провалились...

— Ищите! — приказал Абдулла, взмахнув камчой.

Банда разбилась на части и начала, врываясь во дворы, прочесывать поселок.

...К Абдулле, сидевшему на крыльце, подтащили Лебедева.

— Отпустите руку! Пустите, я говорю! — кричал Лебедев. — Что за насилие?!

— Пусти его, Ахмед, — приказал Абдулла.

— Извольте немедленно прекратить грабеж, — потребовал Лебедев. — Никаких женщин здесь нет. И мне о них ничего не известно.

Абдулла, не глядя на Лебедева, разрядил в него свой револьвер.

— Ищите! — повторил он свое приказание...

...Банда с криками подбежала к одному из нефтяных баков и окружила его. Двое залезли наверх, попытались открыть люк. Но круглая крышка, запертая изнутри, не поддавалась.

К баку приблизился Абдулла, постучал в стенку рукояткой револьвера.

— Эй, — сказал он, — выходи. Я знаю, что ты здесь!

Ответа не было.

Двое наверху, стараясь открыть крышку, сломали саблю и дуло карабина. Но безрезультатно.

— Эй! — крикнул Абдулла. — Мужчина должен встречать смерть достойно!

Бак молчал.

Абдулла несколько раз выстрелил по нему в упор. Вслед за ним вся банда начала палить по баку из карабинов и ручных пулеметов. Но пули плющились и отлетали, оставляя на стенках слабые вмятины. Когда шквал огня прекратился, в баке раздался громкий смех Сухова.

Бандиты оторопело уставились на Абдулла.

— Оставь хоть один патрон, Абдулла, — посоветовал Сухов, — а то нечем будет застрелиться.

Абдулла заскрипел зубами.

— Ребята, — крикнул Сухов, — он еще в чадре? Или переделся мужчиной?

— Эх, гранат бы, — сказал один из бандитов...

К бывшей таможне подскакал унтер, посланный Абдуллой. Он приказал сопровождавшему его бандиту обождать перед домом.

Из окон дома доносились звуки балалайки. Верещагин пел.

— Ты с ним поосторожней, — сказал бандит.

Унтер снисходительно улыбнулся, отдал ему поводья своего коня и решительно поднялся по лестнице, ведущей в дом...

Верещагин был пьян и пел лежа. Увидев на пороге унтера, он продолжал петь.

— Все поешь? — спросил унтер, иронически улыбаясь.

Верещагин пел. Пьяные глаза его смотрели сквозь унтера.

— Я от Абдуллы. У нас нет гранат, а у тебя, мы знаем, запас. — Унтер строго посмотрел на Верещагина.

Верещагин продолжал петь.

— Ты должен передать нам все, чем располагаешь, — категорически сказал унтер. — И встать, когда с тобой разговаривает офицер!

Верещагин замолк, удивленно посмотрел на унтера и начал медленно подниматься.

Бандит, ожидавший унтера во дворе, услышал какой-то шум наверху. Он поднял голову и увидел, как тот вылетел в раскрытое окно.

Удар оземь был сильным, однако унтер резво поднялся и, не разгибаясь, подбежал к своему коню.

— Ты чего? — спросил бандит.

— Да у него гранаты другой системы, — сказал он как можно непринужденней и, взобравшись на коня, поскакал прочь...

Один из бандитов по приказу Абдуллы влез по лестнице на нефтяную цистерну, стоящую поодаль на путях, отвинтил крышку люка и заглянул внутрь.

Цистерна была наполнена нефтью.

Абдулла зловеще усмехнулся.

Внутри бака было темно.

Шум и крики, доносившиеся снаружи, вдруг стихли. И тогда стали слышны слабые всхлипывания женщин.

Сухов зажег спичку, поднял ее над собой.

Он сидел посреди бака. Вокруг сидели женщины.

— Только не реветь, — предупредил Сухов.

Женщины притихли.

Подозрительная тишина снаружи не нравилась Сухову... Спичка потухла, Сухов зажег еще одну, ободряюще улыбнулся женщинам. Тишина угнетала его.

— Абдулла! — крикнул Сухов.

Ему никто не ответил.

— Абдулла!! — позвал он еще.

— Ну? — послышалось после паузы.

— Там Рахимова не видно? Он должен скоро прийти.

— Ничего, — ответил Абдулла. — Я еще успею тебя поджарить.

Снаружи раздался скрежет лопат о стенки бака...

— Быстрей!.. Быстрей!.. — подгоняли помощники Абдуллы остальных бандитов, которые по цепочке передавали ведра с нефтью от цистерны к баку, в котором сидел Сухов. Бак уже опоясывала канава. Больше чем наполовину она была заполнена нефтью. Измазанные с головы до ног, бандиты опоражнивали в нее ведро за ведром, поливали нефтью стенки бака...

Метрах в двухстах от берега качалась на волнах лодка Верещагина. Верещагин сидел на веслах. Настасья сосредоточенно одну за другой бросала в воду гранаты, пулеметные ленты...

— Житья от них нет, — ворчала она, тяжело переводя дыхание. — Хоть беги... Тем гранаты, этим пули, чтоб их чума унесла...

Последним был потоплен пулемет...

Бандиты продолжали поливать бак нефтью.

— Быстрей, быстрей... Да не расплескивай, рожа! Я те морду расквашу, — прыгал вокруг них унтер. От моря к баку подошел Верещагин.

— Давненько тебя не видел, Абдулла, — сказал он, с удивлением наблюдая за суетней бандитов.

— Давно, — согласился Абдулла.

— А ты все кочуешь? Стреляешь?
— Старый стал, — улыбнулся Абдулла. — Лени-
вый. А помнишь, какой я был?

— Были времена, — сказал Верецагин, — А что
это, люди твои, никак запалить что хотят?

— Да вот забрался один приятель, не выходит.
Тут только Верецагин понял, что задумал Абдулла.
— Федор, — позвал он Сухова, — Федор, Петруха
с тобой?

— Убили Петруху, Павел Артемьич. Зарезал Аб-
дулла, — ответил из бака голос Сухова.

Верецагин обернулся к Абдулле. Глаза его недоб-
ро сверкнули... Но тут его позвала с берега жена.

Верецагин помешкал некоторое время и все же
пошел к берегу.

— Иди, иди, — одобрительно сказал ему вслед
Абдулла. — Хороший дом, хорошая жена — что еще
надо человеку, чтобы встретить старость?..

Верецагин пришел домой.

Он сидел на скамейке во дворе, а Настасья хлопотала по хозяйству.

— Ну и потратилась, — рассказывала она о своих
заботах. — Подумаешь, зато муки достала. Нынче
борща сготовлю, лепешек напеку, хоть с отрубями,
а все ж таки хлеб... Засиделись мы. Что это? Вот
уполномоченный с центра вернется, и мы первым же
баркасом в Астрахань пойдем. Могилку сыну попра-
вить пора. Позаросла, поди, совсем, ну кто за ней
смотрит? А в церкви, почитай, второй год как не
были. Грех ведь. А рубаху наденешь с вышивкой...

Настасья вошла в дом. Верецагин, очнувшись от
одолевших его раздумий, встал, посмотрел ей вслед.

— Я как тебя в этой рубахе увижу, так сразу все
в памяти встает. И как в Царицыне в лазарете сви-

делись, и как с германской ты вернулся... — доносился из комнат ее голос...

Верещагин неслышно поднялся по лестнице, повернул ключ в замке и спрятал его под половику.

— Паша, а ты пароход «Князь Таврический» помнишь? Ой! А в Казани на ярмарке-то как ты этого штабс-капитана... — продолжала говорить за дверью Настасья.

От баркаса к нефтяным бакам бежали несколько бандитов с огромными факелами...

По пустыне медленно ехал Саид. Худое лицо его было мрачным. Оглянувшись, он увидел пламя и черный столб дыма, возникший в небе. Постояв, он хлестнул коня и галопом помчался назад, к Педженту.

Вокруг бака бушевало пламя.

Сухов и женщины задыхались от жары. Они сгрудились, тяжело дыша, в центре бака, подальше от горячих стен.

— Абдулла! — из последних сил закричал Сухов. — У тебя ласковые жены!.. Очень ласковые!.. Мне с ними хорошо!

— Я дарю тебе их!.. — так же весело ответил Абдулла. — Сейчас я подбавлю им огня, и тебе будет совсем хорошо!

Женщины теряли сознание.

А нефть подливали и подливали..

Абдулла наслаждался.

Вдруг сквозь треск огня он услышал чей-то далекий, но мощный голос. Это кричал Верещагин с баркаса.

— Слышь, Абдулла! — кричал старый таможенник. — Не много ли товару взял? И все, поди, без пошлины?

Оторвавшись от огня, Абдулла увидел на баркасе среди тюков с награбленным добром огромную, облепленную мокрой рубахой фигуру Верещагина.

— Так нет же никого в таможене. Кому платить — неизвестно. Хочешь, мы заплатим золотом? — спросил Абдулла.

— Ты ведь меня знаешь, Абдулла, я мзду не беру. Мне за державу обидно, — прокричал в ответ Верещагин.

Абдулла соскочил с коня.

— Аристарх, — обратился он к бандиту в красной рубахе-косоворотке, — договорись с таможеней.

Аристарх выстрелил. Пуля разбила стекло рубки прямо над головой Верещагина. Осколок стекла порезал ему лоб.

Верещагин вытер кровь с лица и усмехнулся.

Несколько бандитов бросились к баркасу.

К Абдулле подъехал унтер, измазанный с ног до головы нефтью.

— Надо отчаливать, ага, Рахимов скоро будет, — сказал он Абдулле, склонившись к нему с седла. — Они и так подохнут...

— Нет, — покачал головой Абдулла. — Я должен увидеть их мертвыми.

Он хотел добавить еще что-то, но умолк, потому что откуда-то сверху раздался голос Саида:

— Абдулла, потуши огонь! Это говорю я, Саид!.. Я жду!..

Абдулла вздрогнул, повернулся.

Бандиты замерли.

На крыше ближайшего к бакам дома стоял Саид с пулеметом.

— Разве мы с тобой враги, Саид? — спросил Абдулла и, сделав глазами знак унтеру, упал на песок. Унтер вскинул винтовку, но Саид, опередив, срезал его короткой очередью.

Абдулла перекатился за бак.

Часть бандитов, открыв стрельбу, бросилась к дому.

Саид залег на крыше и длинной очередью расстрелял несколько человек...

Бандиты, разделившись на две группы, пошли в обход.

Пламя вокруг бака опало.

— Нефть!.. Лейте нефть! — закричал Абдулла.

Но Саид метким огнем не давал бандитам забраться на цистерну с нефтью. Переползая на крыше с места на место, он стрелял, сбивая тех бандитов, которые с разных сторон карабкались по стенам дома на крышу...

Обессиленный, полузадохшийся Сухов с трудом добрался по внутренней лесенке бака до люка и долго выдергивал из скобы лом, которым была закрыта крышка изнутри. Когда ему наконец удалось это сделать, он поднялся еще на одну ступеньку и, упершись головой в крышку, откинул ее. Вывалившись наполовину из люка, он несколько раз жадно глотнул воздух, пришел в себя, оценил обстановку...

Саид кружил на коне между баков и цистерной, преследуемый десятком бандитов...

На баркасе вдохновенно «работал» Верещагин, он встречал влезавших на борт бандитов то кулаком, то выстрелом...

Сухов припал к пулемету. Первой же очередью ему удалось разметать преследователей Саида.

Тут же шквал огня обрушился на него. Сухов завертелся в люке, как в танковой башне, стреляя по бросившимся к баку бандитам.

— Верещагин, уходи с баркаса! — крикнул он что было сил, воспользовавшись коротким затишьем. Но Верещагин не слышал его, упоенный боем.

Сбив огромной бочкой двух бандитов за борт и посоветовав им помыться, он продолжал перестрелку с остальными...

Настасья выбралась из дома через окно. Плача навзрыд и ругая сквозь слезы Верещагина, она побежала к берегу, на выстрелы...

Вокруг бака лежали трупы. Заслон из пяти бандитов не давал Сухову соскочить с бака на землю. Остальные бандиты во главе с Абдуллой решили отступить к баркасу. Абдулла первым заметил, что баркас относит в море, и отдал приказ занять его. Они подплывали к баркасу с разных сторон, лезли на палубу. Но там их встречал Верещагин.

— Пусти их... Да пусти ты их на борт!.. — кричал ему Сухов.

Но из-за шума и расстояния Верещагин так и не услышал его. Да и вряд ли он послушался, если бы услышал — наступил наконец его час!

Саид лежал за нефтяной цистерной и отстреливался от трех бандитов, оставленных «на его долю» Абдуллой.

Сухов надоело сидеть на баке. Он подполз с пулеметом к его краю и, выждав момент, вскочил на ноги — раздались выстрелы.

Сухов дернулся, выронил пулемет и, взмахнув руками, повалился с пятиметровой высоты на песок.

Бандиты бросились к нему. Сухов лежал ничком, широко разбросав руки. Пулемет лежал в метре от него.

Подпустив бандитов поближе, Сухов рывком перекинул тело и схватил пулемет.

Бандиты и он начали стрелять почти одновременно.

Бандиты упали, срезанные очередью, — на доли секунды Сухов опередил их...

На баркасе кроме Верещагина находились восемь бандитов и Абдулла. Они засели на носу. Верещагин лежал на корме, за люком, и постреливал оттуда.

Абдулла приказал поднять паруса, и бандиты были вынуждены вылезти из-за своих укрытий, чтобы выполнить его приказание...

Настасья, добежав до берега, столкнула в воду лодку и поплыла к баркасу...

Бандитам удалось поднять парус, но это стоило им жизни — Верецагин стрелял метко.

Теперь на баркасе оставались в живых лишь два человека: Верецагин и Абдулла.

Оба были ранены. Верецагин в руку, Абдулла в левый бок.

Рана, не беспокоившая Абдуллу вначале, теперь причиняла страдание, кровь лилась из нее, не останавливаясь, и уже окрасила халат от пояса до подола. Абдулла тяжело дышал.

Увидев ползущего в его сторону Верецагина, он выстрелил несколько раз кряду, но не попал.

Верецагин неумолимо надвигался на него...

Потерявший управление баркас медленно кружил по волне.

Абдулла прикрыл глаза — боль в боку, затруднявшая дыхание, и потеря крови дали о себе знать. Небо, море, палубные надстройки, Верецагин, появляющийся из-за них то тут, то там, сместились, потеряли цвет и очертания и слились в одну общую красную цель, в которую Абдулла одну за другой всаживал пули...

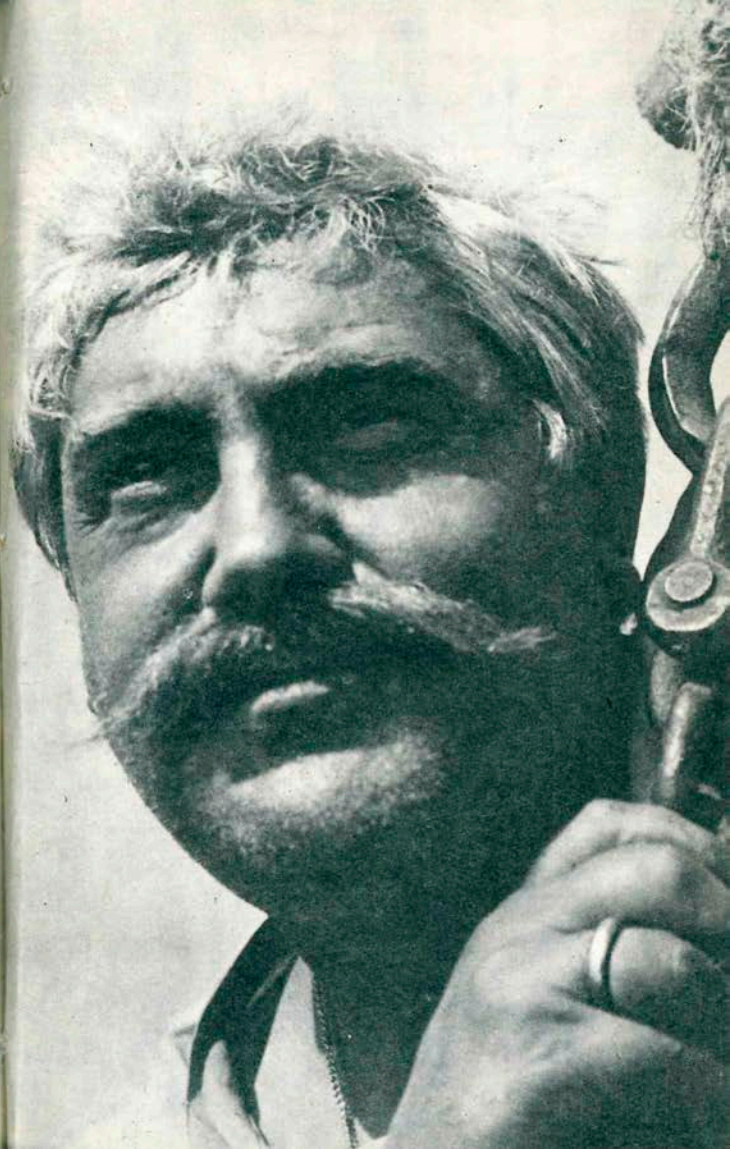
В последнюю секунду просветления он увидел Верецагина совсем близко. Тот шел к нему открыто, не беспокоясь о защите.

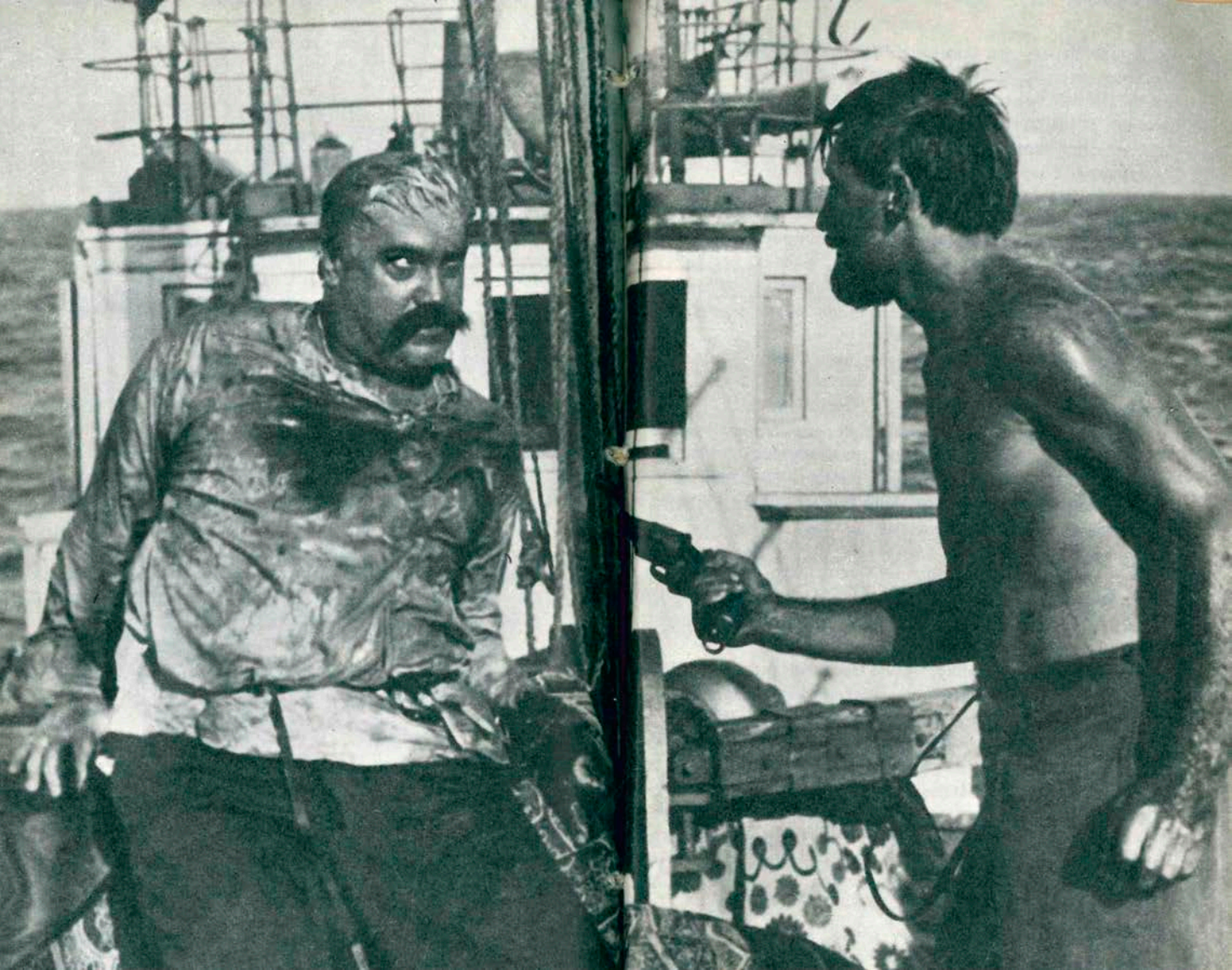
Абдулла попытался выстрелить, но не смог — пальцы не слушались его.

Тогда, оттолкнувшись от палубы животом и локтями, он бросил себя за борт.

Верецагин не стал стрелять в него. Он видел, как долго не появлялся на поверхности Абдулла, как, вынырнув на мгновение, он жадно глотнул воздух, тотчас же погрузился в воду и опять очень долго не появлялся...

Потом он увидел жену в лодке и радостно помахал ей.

А на берегу он заметил Сухова, который что-то кричал ему.

— Сейчас подойдем поближе, Федор Иванович,— сказал Верещагин и пошел в трюм.

Запустив мотор, он поднялся наверх, прошел к штурвалу. Развернул баркас.

— Настасья! — закричал он жене. — Давай к берегу!!

Радостно и решительно ворочая штурвалом, он повел завоеванный баркас к берегу.

Последним, кого он увидел, был Абдулла, который еще не утонул и отчаянно пытался хоть сколько-нибудь приблизиться к берегу.

— Прыгай, — кричал с берега Сухов, — прыгай, взорвешься...

Но за песней Верещагин не слышал крика.

А через минуту идущий к берегу баркас раскололся на две части, палуба, взметнувшись кверху, увлекла за собой упоенного победой Верещагина...

Взрывная волна опрокинула лодку с Настасьей... Сухов сел на песок, схватившись за голову...

От бака к воде спешили женщины гарема. Подбежав к Сухову, они остановились неподалеку, кутаясь в свои чадры.

Сухов поднял голову. Посмотрел на женщин. Увидел их глаза, испуганно устремленные к морю. Обернувшись к воде, он увидел Абдулла, который боролся с волнами уже у самого берега. Вода была ему по пояс, но встать на ноги он не мог и передвигался к берегу то вплавь, то ползком.

Когда стало совсем мелко, ему все же удалось принять вертикальное положение. Он тяжело дышал, стоя на коленях, метрах в десяти от Сухова и женщин.

Взгляды их встретились.

Ценой огромного усилия Абдулла заставил себя подняться на ноги. Ему удалось сделать три шага, женщины в ужасе попятились, оставив Сухова. Абдулла сделал еще один шаг и рухнул лицом в песок.

Женщины медленно подошли к нему. Сухов видел, как они окружили его и, не смея дотронуться, тоскливо и одностонно завывали...

Из воды вышла и пошла куда-то прочь от Педжен-та потерянная и одинокая Настасья...

Утром следующего дня на площади перед станцией Сухов прощался с отрядом Рахимова, пришедшим ему на помощь, и бывшим гаремом покойного Абдуллы.

Дымила походная кухня. Вокруг Сухова стояли красноармейцы.

Сухов воткнул свою палку-часы в песок и определил время:

— Шесть часов, — сказал он. — Пора!

— Может, обождешь? — спросил Рахимов. — Денька через три мы бы тебя в Ташкент доставили, а там — поездка...

— Нет, — сказал Сухов. — Я напрямик пойду, по гипотенузе... Дойду до Астрахани, а оттуда по воде до Нижнего рукой подать.

— Ну хоть коня возьми.

— Не-е... С ним хлопот — кормить надо... Прощай!

Сухов пожал руку Рахимову и повернулся к женщинам. Они тихо плакали, по щекам их текли слезы. Он по очереди пожал им всем руки.

— Прощай, Джамиля... Прощай, Гюзель... Прощай, Хафиза... Прощай, Зухра... — назвал он всех восемь по именам. — Не надо плакать, — улыбнулся им Су-

хов, попрощавшись.— Может, еще встретимся. Извините, коли что не так.

Он подтянул «сидор» с подоткнутыми под веревки сапогами, поправил карабин и пошел.

— Спасибо тебе!..— крикнул ему вдогонку Рахимов.

— Не за что, — ответил Сухов.

Он уходил не торопясь, нормальным походным шагом.

Рядом ехал на своем коне Саид.

— Ты как с Джевдетом? Может, помочь? — спросил Сухов, когда они отошли от берега подальше и не стало видно моря.

— Нет, Джевдет мой, — возразил Саид. — Встретись — не трогай.

— Ну что ж, тогда счастливо, — сказал Сухов и пошел по направлению к Астрахани.

Он шел по пустыне напрямик.

Голос Сухова. *Добрый день, веселая минутка. Здравствуйте, Катерина Матвеевна. На прошедшие превратности не печальтесь, видно, судьба моя такая. Однако ничего этого больше не предвидится, а потому спешу сообщить вам, что я жив, здоров, чего и вам желаю...*

Конец

Р. С. Через несколько лет, оказавшись в Голодной степи, Сухов еще раз встретил «свой гарем». Освобожденные им женщины остались неразлучными. Дружной бригадой цементниц трудились они на строительстве канала.

ПУТЬ К ГЕРОЮ

С детства живут в нас впечатления от сказок, живут как вечная мечта о прекрасном мире, где добро непременно одолевает зло, где царят любовь и подвиг, где живет себе, поживает добрый, смелый и непобедимый молодец, веря в которого легче переносить любые житейские невзгоды.

Когда я впервые прочел сценарий Ежова и Ибрагимбекова, мне показалось, что Федор Иванович Сухов подмигнул мне из моего детства: мол, вот он я, твой старый знакомый. И хотя сценарий повествовал о суровом времени гражданской войны и погибали в нем люди не по-сказочному, было в сценарии что-то такое, что дало мне право задумать киносказание, где соединилось бы сказочное с героическим, комедийное с романтическим, трагедия с гротеском и буффонадой.

Своеобразие авторской интонации выражалось прежде всего в герое.

Немало самых разноречивых суждений довелось нам услышать о Федоре Сухове до того, как я смог приступить к работе. Но все это время сценаристы, не в пример мне, сохраняли удивительное спокойствие, с которым могли бы потягаться лишь старцы нашего фильма, те, что взирали на бурные события бесстрастно и хладнокровно.

Мудрость — удел много видевших и много переживших. Валентину Ежову, в прошлом одному из авторов «Баллады о солдате», памятно время, когда этот фильм был встречен настороженно. Долгие годы война отображалась лишь в героико-монументальных полотнах — и вдруг лирика, камерность да еще с элементами юмора (чего стоит сцена поединка солдата с танком!)... «Не тот масштаб! Не тот жанр!» Эстетический консерватизм, сжившийся с фильмами о полководцах и командирах, об исключительных личностях, был шокирован новым характером солдата.

Хотя Федор Сухов по возрасту годится в отцы Алексею Скворцову, хотя время действия иное, нетрудно обнаружить духовную общность между солдатами-героями двух сценариев. И снова, как много лет назад, эстетический консерватизм встал на пути сценария «Пустыня», как он первоначально назывался. Опять: «Не тот герой! Мелок. Занимается несерьезным делом, каким-то гаремом. Гражданская война в приключенческой комедии? Перестрелки, гарем, погони — да ведь это коммерческая поделка...»

Разумеется, авторы сценария могли бы сложить эпическую сагу о подвигах Сухова в Туркестане. И это мог быть хороший сценарий, по которому могла быть поставлена совершенно иная картина. Но сценаристы предпочли ограничить себя одним случаем из жизни героя, имея в виду при этом дух и пафос красноармейского подвига гражданской войны. Они

взглянули на историю Сухова глазами современного человека, которому присущи юмор и способность мыслить диалектически и воспринимать парадоксы. Что касается меня, то я всегда был сторонником постижения в искусстве общего через конкретное, на первый взгляд частное и единичное. Вместе с прекрасным артистом Анатолием Кузнецовым мы стремились к тому, чтобы приключения, да и сам юмор не становились самоцелью, а способствовали бы восприятию смысла деяний нашего героя.

Сравнительно недавно на Западе появились фильмы так называемого «фантастического реализма», которые отчасти отразили потребность современного зрителя в искусстве раскованном, свободном от предвзятости. Для русского искусства так называемый «фантастический реализм» — не новация, а, скорее, традиция, где Гоголь, Сухово-Кобылин и Булгаков воспринимаются как вехи драматургии, наиболее близкой к истокам народного творчества, многопланового и многожанрового. И ярче всего традиция жанровых смещений проявилась в русской комедии, в жанре, к которому, как это ни печально, по сей день не изжито снобистское, пренебрежительное отношение.

Я отнюдь не против монументальных, значительных полотен. Но нередко значительность кинопроизведения измеряется не мерой искусства, а предопределяется величиной самой темы или классического первоисточника, по которому сделана экранизация, даже количеством действующих лиц, декораций, масок, костюмов, пиротехники или серий.

Федор Иванович Сухов не претендует на эпопею. Ему уютно в сказании. Выбор характера героя — это выбор жанра. Этот выбор не может быть случайностью, даже если причина выбора не сразу осмыслена автором. В герое — суть авторской исповеди или проповеди. В нем — авторская позиция.

Между героем «Белого солнца» и героем моей предыдущей картины «Женя, Женечка и Катюша», общего мало, хотя оба они солдаты. Тут больше противоположного, и я не удивлюсь, если кто-нибудь уличит меня в непоследовательности. Но в этой сме-не героя существует своя закономерность...

Долгое время я готовился к постановке фильма по великолепному роману Ю. Тынянова «Кюхля». Характер Вильгельма Кюхельбекера, трогательного чудака, обуреваемого благородными страстями, не умеющего совладать с собой, образ Кюхли, искренность и открытость которого делали его ранимым перед реальными событиями, которые тем не менее толкнули его на героические поступки, — все это осталось невысказанным и не давало покоя до тех пор, пока не осознано не трансформировалось в историю похождения чудака-школяра на войне, в сюжет, который я вместе с Булатом Окуджавой превратил в сценарий.

Трудно встретить в многодетной семье братьев с одинаковыми характерами. И чаще случается так, что самый непутевый неудачник и горемыка глубже других благополучных сыновей проникает в материнское сердце, становится предметом ее постоянной нежности и сострадания.

Уже работая над фильмом «Женя, Женечка и Катюша», когда было снято больше половины материала, я почувствовал горечь за судьбу моего героя. Инфантилизм в столкновении с реальной жизнью, с войной внезапно рухнул, разрушив комедию. Мой герой, не сумевший предотвратить гибель возлюбленной, разрядил автомат в убежавшего Зигфрида, и уже тогда зародилась во мне мечта о встрече с героем, умеющим постоять за себя, ибо добро, неспособное одолеть зло, само становится злом жалкого прекраснодушия.

Да, Колышкин был далек от совершенства, но я любил его таким, каким он был, хотя понимал, что таким быть нельзя и не должно. И если я расставался с Женей в тревоге за его судьбу, не зная, сумеет ли он извлечь урок из трагедии Женечки, то с Федором Ивановичем Суховым я расставался с верой в его солдатскую удачу, хотя при деликатном характере Сухова, при его кристальном чувстве революционного долга много лет еще шагать ему до дому — сперва по пескам Туркестана, потом по астраханским, царичыньским степям — везде будет спрос на его солдатскую храбрость и смекалку, везде найдутся слабые, кого пожалеет и возьмет под защиту Сухов. Кто знает, когда дождется его разлюбленная Катерина Матвеевна, кто знает, сколько еще страдать им в разлуке.

Сегодня ни авторам сценария, ни моим друзьям, самоотверженно помогавшим делать этот фильм, не приходится печалиться за экранную судьбу Федора Ивановича Сухова. За приключениями и комедийными ситуациями зрители почувствовали то, ради чего создавался фильм, — щедрое и бескорыстное сердце солдата революции. Мы узнали об этом не только из прессы, но и из множества зрительских писем, в которых было высказано пожелание снова встретиться с Суховым в новом фильме. Но, как это часто бывает в жизни, встреча с дорогим человеком не всегда зависит от одного доброго к нему отношения, и нередко прощание превращается в разлуку навсегда...

Рано говорить о следующей работе, всякое бывает в нашем деле, но хочется встретиться на этот раз не с героем, а с героиней, с темой высокой человеческой любви. И рождение этой потребности связано с «Белым солнцем пустыни», с фильмом, в котором многое, о чем хотелось сказать, не уместилось в силу жанровых его границ. Я чувствую себя должником

перед любовью Сухова — его Екатериной Матвеевной, представленной лишь в фантазиях и мечтах героя.

Кто бы ни были новые герои, с которыми доведется встретиться в ближайшее время, два года, проведенные бок о бок с Федором Ивановичем Суховым, не прошли бесследно, потому что не только мы создаем героев, но и созданные нами герои формируют нас, как самые близкие наши друзья и наставники.

Владимир Мотыль,
режиссер-постановщик

Ежов Валентин Иванович

Ибрагимбеков Рустам Мамед-Ибрагимович

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

Редактор В. П. Демин

Оформление и художественная

редакция Г. К. Александрова

Технический редактор Н. Г. Карпушкина

Корректор Т. В. Кудрявцева

A10557. Сдано в набор 5/IV 1971 г. Подписано к печати 29/IX 1971 г. Формат бумаги 70×90^{1/32}. Бумага тифдручная. Усл. печ. л. 3.803. Уч.-изд. л. 5,09. Тираж 30 000 экз. Издат. № 15946. Заказ 286. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Цена 26 коп.

26 коп.

